

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения
и балканистики

ИСТОРИЧЕСКАЯ АКЦЕНТОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Москва
"НАУКА"

Главная редакция восточной литературы
1989

С.Л. Николаев

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ АКЦЕНТУАЦИОННАЯ СИСТЕМА И ЕЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ КЛАССАМ ГРЕКО-АРИЙСКИХ СУФФИКСОВ

Греко-арийские глагольные корни I морфонологического класса генетически тождественны балто-славянским корням, относящимся к морфемам доминантного акцентуационного класса: т.е. имеющим неподвижную акцентную парадигму. Греко-арийские корни II класса генетически тождественны балто-славянским рецессивным корням, т.е. корням, имеющим подвижную акцентную парадигму (см. Николаев – Старостин; Николаев ГМ₂). Возникает вопрос, нет ли подобного бинарного морфонологического соответствия между классами греко-арийских и балто-славянских суффиксов.

Как показал В.А.Дыбо, все балто-славянские суффиксальные морфемы распределяются, подобно корневым морфемам, по двум акцентно-морфонологическим классам¹. Доминантным морфемам (морфемам высшей акцентуационной валентности) «принадлежит» иктус. В частности, если они присоединяются к корням рецессивного класса, балто-славянская акцентная парадигма получившегося производного будет неподвижной. Само собой разумеется, что неподвижной акцентной парадигмой будет и в случае присоединения доминантного или рецессивного суффикса к доминантному корню. Напротив, в случае присоединения рецессивного суффикса к рецессивному же корню балто-славянская акцентная парадигма (как словообразовательная, так и словоизменительная) будет подвижной вследствие чередований доминантных и рецессивных вторичных суффиксов и окончаний.

Греко-арийские прикорневые суффиксы также делятся на два морфонологических класса, особенно хорошо различимые в сочетании их с корнями вида CVCV (корнями-*sēt*). I класс суффиксов мотивирует морфонологически единобразный вид корней обоих классов (греч. ἔχεται от корня II класса и γενέτης от корня I класса, соответст-

но др.-инд. *bharītra-* и *janītra-*). Присоединение суффиксов II класса вызывает морфонологически различное поведение корней CVCV в зависимости от их принадлежности к одному из двух классов (греч. σχῆμα, др.-инд. *bhārīman-* от корней II класса, но γέννα, *jānīman-* от корня I класса).

Ниже будет сделана попытка показать, что балто-славянские доминантные прикорневые суффиксы генетически соответствуют греко-арийским суффиксам I класса, а балто-славянские рецессивные прикорневые суффиксы – греко-арийским суффиксам II класса. Ввиду того, что нет специальных работ, посвященных определению акцентуационных классов большинства балто-славянских прикорневых суффиксов, значительная часть данного раздела будет посвящена определению класса интересующих нас балто-славянских прикорневых суффиксов. В первую очередь будут проанализированы отглагольные именные образования, не входящие в словоизменительную парадигму глагола, так как они по сравнению с парадигмообразующими формами менее подвержены аналогическим изменениям.

Балто-славянские соответствия греко-арийским суффиксам I класса

Богатый балто-славянский материал представляют образования со следующими суффиксами, принадлежащими в греко-арийском к I морфонологическому классу: -**to-* / -**tā-* существительных (греч. -τα / -τά-, в древнеиндийском образования с рефлексами этих суффиксов единичны); -**dho-* / -**dhlā-* и -**tlo-* / -**tlā-* (греч. -θλΘ-/ -τλΘ-, др.-инд. -*tra-* из -**tro-*, -**tlo-*,ср. греч. -τρΘ-, также относящееся к I классу).

В греческом -τλΘ- и -θλΘ- распределены фонетически (-τλΘ- после корней, содержащих придыхательный согласный, -θλΘ- в остальных случаях), однако это распределение, видимо, вторично: ср. независимое от состава корня использование суффиксов -τρΘ- и -θρΘ-. Балтийское -*klā-*, несомненно, восходит к -**tlo-* / -**tlā-*, тогда как славянское -*dlo* может возводиться как к -**tlo-*, так и к -**dhlō-*. Условно будем считать, что единственным балто-славянским архетипом был -**tlo-* / -**tlā-*.

Литовский язык

В литературном литовском языке и близких к нему диалектах образования на -*ta-s* (существительные мужского рода) имеют неподвижную акцентную парадигму (1 или 2 в зависимости от интонации

вокалического компонента корня²): *aūtas* 2 (DLKŽ 56, LRKŽ 89, Šlap. 29); pl. *grāižtai* 1 (DLKŽ 224); *grāžtas* 2 (DLKŽ 227, Šlap. 79, LRKŽ 165), cp. pl. *at-grāžtai* 2 (DLKŽ 41); *káltas* 1 (DLKŽ 305, LRKŽ 263, Šlap. 143, SkŽD 320); *klōtas* 2 (DLKŽ 355, LRKŽ 284), *ap-*, *č-*, *pa-klōtas* 2 (DLKŽ, LRKŽ); *plāktas* 2 (DLKŽ 590, LRKŽ 477); *rāktas* 2 (DLKŽ 651, Šlap. 402, LRKŽ 532); *siēras* 2 (DLKŽ 415, LRKŽ 561, Šlap. 434) и *saītas* 2 (DLKŽ 690, LRKŽ 548, Šlap. 421 – pl. *saītai*); *sietas* 1 (DLKŽ 715, LRKŽ 561, Šlap. 434, KLD 373); *skāptas* 2 (DLKŽ 724, LRKŽ 565, вторично *skāptas* 4 Šlap. 439); *spāstai* 1 (DLKŽ 752, LRKŽ 578, SkŽD 325); *kéltas* 1 (DLKŽ 328, LRKŽ pl. *kóptai* 1 (DLKŽ 371, SkŽD 320); *liēptas* 2 (DLKŽ 422, LRKŽ 311, Šlap. 209); *pláustas* 1 (DLKŽ 593, LRKŽ 478, SkŽD 321); *plūostas* 1 (DLKŽ 602, SkŽD 321, но вторично Šlap. 358 *pluōstas* 4 с метатонией); *tìłtas* 1 (DLKŽ 857, LRKŽ 663, Šlap. 533); *bùtas* 2 (DLKŽ 98, LRKŽ 109, Šlap. 37); *gùltas* 1 (DLKŽ 239, LRKŽ 170); *tvártas* 1 (DLKŽ 882, LRKŽ 676, Šlap. 545, SkŽD 321); *búrtas* 1 (DLKŽ 97, LRKŽ 109, Šlap. 37); *grūmtas* 2 (DLKŽ 236); *miētas* 2 (DLKŽ 462, LRKŽ 332, Šlap. 230); pl. *miltai* 1 (DLKŽ 465, LRKŽ 333, Šlap. 231, KLD 356); *rāstas* 2 (DLKŽ 656, LRKŽ 533, Šlap. 404); *spētas* 2 (DLKŽ 754, LRKŽ 579, Šlap. 458); *šlā̄tas* 2 (DLKŽ 813, LRKŽ 643); *šlā̄m̄stas* 2 (DLKŽ 813, LRKŽ 643, Šlap. 513); *sraūtas*, *sriāūtas* 2 (DLKŽ 760, 761, LRKŽ 582, SkŽD 321); *kēr̄stas* 2 (DLKŽ 333, LRKŽ 274, Šlap. 159); *rúožtas* 1 (DLKŽ 687, но нерегулярно *rúožtas* Šlap. 417 – возможно, по аналогии с *rúožas* 3); *réžtas* 1 (DLKŽ 672); *brúožtas* 1 (SkŽD 322); *plúoštas* 1 (DLKŽ 602, LRKŽ 483, SkŽD 321, вторично *plúoštas* 3 Šlap. 358); *lā̄stas* 2 (KLD 221); *piēstas* 2 (Šlap. 345); *guōtas* 2 (LRKŽ 371), *guótas* 1 (DLKŽ 241, KLD 142); *klāuptas* 2 (DLKŽ 349, LRKŽ 282); *gaūbtas* 2 (DLKŽ 200, LRKŽ 153); *gniāužtas* 1 (DLKŽ 221, LRKŽ 163); *graūžtas* 2 (DLKŽ 226, LRKŽ 165); *ap-*, *pa-māūtas* 2 (DLKŽ 28, 538, LRKŽ 45, 410, Šlap. 302); *blōkštas* 2 (LRKŽ 103); *svērtas* 2 (DLKŽ 791, LRKŽ 633); *sviéstas* 1 (DLKŽ 792, LRKŽ 633, Šlap. 501); *švīřkštas* 2 (LRKŽ 650), *švīrkštas* 1 (DLKŽ 832, Šlap. 522); *tuřtas* 2 (DLKŽ 880, LRKŽ 674, Šlap. 544); *váistas* 1 (DLKŽ 908, LRKŽ 702, Šlap. 566, SkŽD 352); *vážtas* 2 (DLKŽ 572, LRKŽ 709, Šlap. 572); *viłktas* 2 (DLKŽ 945, LRKŽ 720); pl. *žābtai* 2 (DLKŽ 962, LRKŽ 727); *žlūgtas* 2 (DLKŽ 980, LRKŽ 736, но вторично *žlūgtas* 4 Šlap. 603); *spraūstas* 2 (LRKŽ 580); *sráigtas* 1 (DLKŽ 760, LRKŽ 582, но вторично *sráigtas* 3 Šlap. 462³); *sōtas* 2 (DLKŽ 771, LRKŽ 586); *skliaūstas* 2 (DLKŽ 732, LRKŽ 569, Šlap. 445); *sóstas* 1 (DLKŽ 751, LRKŽ 577, Šlap. 456); *pa-sēstas* 2 (DLKŽ 549, LRKŽ 424); *rāstas* 2 (DLKŽ 655, LRKŽ 533); *n̄ktas* 2 (LRKŽ 541, Šlap. 412); *mātas* 2 (DLKŽ 447, LRKŽ 324, Šlap. 222); *māštas* 2 (DLKŽ 438, LRKŽ 320, Šlap. 218); *skiřtas* 2 (DLKŽ 730); *maīstas* 2 (DLKŽ 437, LRKŽ 319, Šlap. 218);

žlāugtas 2 (DLKŽ 979, LRKŽ 753, Šlap. 603); *plūgtas* 2 (DLKŽ 601, LRKŽ 483); *paūtas* 2 (DLKŽ 562, LRKŽ 448, Šlap. 331, KLD 300); *než-* *stas* 2 (DLKŽ 495, LRKŽ 351), *nař̄stas* 2 (DLKŽ 458); *vǐltas 1 (SkŽD 322); *kařtas* 2 (DLKŽ 315, LRKŽ 267, Šlap. 149); *vařtas* 2 (DLKŽ 919 Šlap. 572, LRKŽ 708); *blúostas* 1 (DLKŽ 86, LRKŽ 104); *brēžtas* 2 (DLKŽ 90, LRKŽ 105); *ap-siaūstas* 2 (DLKŽ 29, LRKŽ 49, Šlap. 9); pl. *grīstai* 2 (DLKŽ 233, LRKŽ 168); *kam̄štas* 2 (Šlap. 145, но вторично *kam̄štas* 4 DLKŽ 308); *drūmstas* 2 (DLKŽ 153); pl. *vāžtai* 2 (DLKŽ 919, LRKŽ 708, Šlap. 572). Вторична подвижность у *smeižtas* 4 (DLKŽ 819, LRKŽ 645, Šlap. 515) и у диалектного (жем.) *blākstas* 4 (DLKŽ 82).

Архаичность литературной неподвижной акцентной парадигмы (а также неподвижность ее в аукштайтских диалектах, близких литературному) подтверждается тем, что большинство других типов образований на *-as* имеет продуктивную тенденцию переходить из неподвижной а.п. в подвижную, ср. необходимость специальных поисков в диалектном материале старых образований м.р. на *-as* неподвижной а.п., см. Иллич-Свитыч 17–22.

Неподвижными являются данные основы также и в акцентологически архаичном диалекте д. Тверечюс (материал взят из книги: Otr. Twer.; под звездочкой ниже дается соответствующая литературная форма им.п. ед. или мн. числа): *vařtai 2 (nom. pl. *vā̄te^ai*; c. 43, 200, 219; loc. pl. *vā̄tuos* c. 216); *tuřtai 2 (nom. pl. *tuřte^ai* c. 51); *āūtas 2 (nom. pl. *āūte^ai* c. 175; instr. pl. *āūte^ais*, c. 415); *síetas 1 (nom. sg. *síetas*, c. 215, 307; nom. pl. *síete^ai*, c. 215); *búrtai 1 (nom. pl. *búrte^ai*, c. 219); *miltai 1 (nom. pl. *mílte^ai*, c. 219, 367); *mētai 2 (nom. pl. *mēste^ai*, c. 219, 380); *paūtai 2 (nom. pl. *paūte^ai*).

В двух основах (в одной из них частично) засвидетельствован переход в подвижную а.п.: *tiltas 3 (loc. sg. *cílti*, c. 215; acc. sg. *cíltū*, c. 434, 439; nom. sg. *cíltas*, c. 216; instr. sg. *cíltan*, c. 216; nom. pl. *cílte^ai*, c. 216) – ср. литературное *tiltas* 1. Слово *tvártas ‘хлев’ имеет в ед.ч. неподвижную а. п. 1 (loc. sg. *tvárti*, c. 49, 96, 99, 390; nom. sg. *tvártas*, c. 198), во множественном же числе образует а.п. 3 или 4: nom. pl. *tvarte^ai*, loc. pl. *tvartuōs* (c. 216).

В литературном литовском языке и близких диалектах отглагольные существительные женского рода на **-tā-* (-ta) имеют неподвижную а.п. 1 при акутированном и, как правило, подвижную а.п. 4 при циркумфлектирующем и краткостном корне: *kéltai* 1 (Šlap. 157, SkŽD 325); *kópta* 1 (Šlap. 182, DlkŽ 372, LRKŽ 291, SkŽD 323); диал. *sraūtā/sriautā* 4 (SkŽD 321); *gamta* 4 (DLKŽ 196, LRKŽ 151, Šlap. 64); *júosta* 1 (DLKŽ 294, LRKŽ 258, Šlap. 136, SkŽD 323, KLD 159); *naštā* 4 (DLKŽ 485, LRKŽ 342, KLD 268, Šlap. 240); *snektā* 4 (DLKŽ 821, LRKŽ

645, KLD 436, Šlap. 573); *važta* 4 (DLKŽ 923, LRKŽ 710, Šlap. 573); *gniáužta* 1 (DLKŽ 221, Šlap. 76, SkŽD 323); *brastà* 4 (DLKŽ 88, LRKŽ 105); pl. *sūltos* 1 (Šlap. 501, SkŽD 323); *šlúota* 1 (DLKŽ 818, LRKŽ 644, Šlap. 515, KLD 434); *stùrta* 1 (DLKŽ 770, LRKŽ 586); *puotà* 4 (DLKŽ 638, LRKŽ 527, Šlap. 394); *gùžta* 4 (DLKŽ 242, LRKŽ 171, Šlap. 88); *nartà* 4 (DLKŽ 458); *mintà* 4 (SkŽD 323, KLD 257); *mantà* 4 (DLKŽ 442, Šlap. 220).

Веским аргументом в пользу того, что раньше все литовские образования на *-tā-* были акцентуационно неподвижными, является то, что нет подвижной а.п. 3 у форм с акутированным корнем. На то, что подвижная а.п. у краткостных и циркумфлектируемых корней вторична, указывают следующие факты:

1) сохранение реликтовой а.п. 2 у слова *laktà* 2 (DLKŽ 406, LRKŽ 304, KLD 220, Šlap. 202);

2) сохранение неподвижности (а.п. 2) слова *lqstà* у Ф.Куршата (KLD 221) при *lqstà* 4 в других словарях (DLKŽ 409, LRKŽ 305, Šlap. 206) и слова *piestà* у Ю.Шлапялиса (Šlap. 346, *piestà* 2) при *piestà* 4 (DLKŽ 580, LRKŽ 471, KLD 310);

3) в говоре Тверечюс, по-видимому, сохраняется старая неподвижность также и у других краткостных основ, о чем говорит а.п. 2 слова **naštà* (gen. sg. *näštås*) 'ile možna ponieś ze sobą' (Otr. Twer. 193), а также сохранившаяся в других диалектах а.п. 2 у слова **laktà*: dat. pl. *lktn* (Otr. Twer. 193).

Аналогично образованиям на *-ta-s/-ta*, акцентуационно неподвижными являются литовские формы с прикорневыми суффиксами *-kla-s* (м.р.) и *-kla* (ж.р.): *árklas* 1 (LRKŽ 61; вторичный переход в а.п. 3: Šlap. 13, DLRŽ 34); *pa-buklas* 2 (DLKŽ 524, LRKŽ 392); *deklas* 2 (DLKŽ 124, LRKŽ 121), *pa-deklas* 2 (DLKŽ 525, LRKŽ 394, Šlap. 288); *giiklas* 2 (DLKŽ 213, LRKŽ 159, Šlap. 72 с вторичным вариантом *giinklas* 3); *pa-miiklas* 2 (DLKŽ 539, LRKŽ 411, Šlap. 303); *pa-neiklas* 2 (DLKŽ 540); **zénklas* 1 (pl. *zénklai* SkŽD 193, но вторичная а.п. 3 *zénklas* DLKŽ 910, LRKŽ 731, Šlap. 597); pl. *gerklos* 1 (DLKŽ 208, LRKŽ 157, SkŽD 195); *pa-véiklas* 1 (< *-véi(z)dkla-s) (LRKŽ 450, Šlap. 332, DLKŽ 563); *rieklas* 1 (DLKŽ 674); *piuklas* 1 (DLKŽ 589, LRKŽ 664, Šlap. 533); *tiuklas* 2 (DLKŽ 858, LRKŽ 664, Šlap. 533); *durklas* 1 (DLKŽ 161, LRKŽ 135). Видимо, вторичная а.п. у *írkla* 3 (DLKŽ 265, LRKŽ 191, Šlap. 90). Формы женского рода: *sékla* 1 (DLKŽ 706, Šlap. 433, LRKŽ 557); *stakla* 2 (DLKŽ 763, Šlap. 464).

Принадлежность литовских суффиксов *-tā-* и *-kla-* к классу доминантных подтверждается тем, что образованные ими девербативы

имеют неподвижную акцентную парадигму независимо от класса глагольного корня.

Образования от доминантных корней

kltas 1 – лтш. *kalt*, слав. **koljq*, **koljete*; *setas* 1 – слав. **s jq* 'просеивать' (глагол, квазиомонимичный **s jq* 'сеять'⁴); *brtas* 1 – лтш. *but*; *mltai* 1 – лтш. *mat*, слав. **meljq*, **meljete*; *spetas* 2 – лтш. *spet*, слав. **sp jq*; *r otas* 1 – слав. **r ezjq*, **r ezjete*; *g utas* 1/ *gutas* 2 – лтш. *g t*; *v istas* 1 – слав. **v deti* и т.п.; *giiklas* 2 – слав. ***zenq*, **gn la*; *zénklas* 1 (> 3) – лтш. *pa-it*; *piuklas* 1 – лтш. *plaut*; *sékla* 1 – лтш. *s t*, слав. **s jq* 'сеять' и т.п.

Образования от рецессивных корней

kltas 2 – лтш. *klt*, слав. **klq*, **klete* (расширение суффиксальным *-de-*, не изменяющим первоначальную акцентную парадигму⁵), *k ltas* 1 – лтш. *celt*; *b utas* 2 – лтш. *b t*, слав. **b ly *, **byl *, **b t*, *tv rtas* 1 – лтш. *tvet*; *ga bias* 2 – слав. caus. **g ubjq*, **gubit *; *gr u tas* 2 – слав. **gr y q*, **gryz te*; *matas* 2 – лтш. *tat*; *va  t tas* 2 – слав. **v brzq*, **v brz t * и т. п., * rkla* 1 – лтш. * rt*, слав. ** rjq*, **orjet *, сп. греч. * po-* II кл.; *d eklas* 2 – лтш. *d t*, слав. **d jq*, **d jet *; * rklos* 1 – лтш. *d z t*, слав. **z erq*, **zeret *, сп. греч. * po-* II кл.; *stakla* 2 – лтш. *st t*, слав. **st jq*, **stajet * и т.п.

Латышский язык

Латышские образования на *-t-* и *-kl-* имеют интонацию производящего глагола (вернее, инфинитива и причастия на *-t-*) и, таким образом, не отражают в большинстве случаев старой акцентной парадигмы данных производных:

Латышский	Литовский	Латышский глагол
<i>rkls</i>	<i>�rkla</i> (3 < 1?)	<i>rt</i>
<i>s�kla</i>	<i>s�kla</i> 1	<i>s�t</i>
<i>d�rkl�</i>	(<i>d�rkla</i> 1)	<i>d�r�t</i>
<i>�rkls</i> (/ <i>rkls</i>)	<i>�rkla</i> 1 (> 3)	<i>�rt</i>
<i>pa-d�ekls</i>	–	<i>d�t</i>
<i>smi�ekls</i>	–	<i>smi�t</i>
<i>uts</i>	<i>a�t�s</i> 2	<i>ut</i>
<i>kats</i>	<i>kltas</i> 1	<i>kat</i>
<i>klta</i>	(<i>kltai</i> 2)	<i>klt</i>

Латышский	Литовский	Латышский глагол
<i>spūsts</i>	<i>spāstai</i> 1	<i>spiēst</i>
<i>plūsts</i>	<i>plūostas</i> 1	<i>pluōst</i>
<i>mīets</i>	<i>miētas</i> 2	<i>mīet</i>
<i>pl. mītī</i>	<i>mīltai</i> 1	<i>mal̄t</i>
<i>jūosta</i>	<i>jūosta</i> 1	<i>jūōzt</i>
<i>sviēsts</i>	<i>sviestas</i> 1	<i>sviēst</i>
<i>sluōta</i>	<i>slūota</i> 1	<i>sluōt</i>
<i>klaīsts</i>	-	<i>klīst</i>

Старое состояние сохраняют лишь формы с метатонией: *tīkls* – лтш. *tīt*; *aūkla* – лтш. *aūst*, а также не имеющее соответствующего балтийского глагола *stīrta* (ср. слав. *stīrq, *stīrete). Архаизмом является, видимо, также диал. *ärkls* (при более распространенном *äkls* имеющем интонацию глагола *är̄t*; см. (М.–Е. IV. 243, Видриже; М.–Е. (S) III. 195, Набе). Относительно латышских интонаций на месте балто-славянского акута см. также ниже, с. 100–101.

Славянские языки

То, что первична литовская, а не латышская ситуация, а именно то, что балто-славянские образования с рассматриваемыми суффиксами имели неподвижную акцентную парадигму независимо от акцентуационного класса корня, решительно подтверждает славянский материал. В праславянском надежно восстанавливается неподвижная акцентная парадигма для подавляющего числа образований на *-to* / *-ta* и для всех форм на *-*tlo-*.

Образования с *-to* (ср.р.) и *-ta* (ж.р.)

1. **dolbtō*: болг. *дламтò*, чеш. *dláto*, слвц. *dláto*, польск. *dłuto* (орфографически вместо *dłoto*), русск., укр. *долото*, а также **delbtō*: болг. *длето*, с.-х. *дрéто*, слвн. *dléto*. Класс производящего корня неясен – на а.п. с указывает с.-х. *дубсти*, *дубём*, укр. *довбú*, *довбéш*, тогда как слвн. *dólbsti*, *dólbem* восходит к глаголу а.п. *b* (*a?*).

2. **pōto*: русск. *пýто*, укр. *пýто*, белор. *пýта*, с.-х. *пýто*, слвн. *pōto*, чеш. *poto*, слвц. *poto*, польск. мн.ч. *pēta*. Ср. **pōnq*, **pōpete*, лтш. *pīt* (подвижная а.п.).

3. **sítō*: русск. *сýто*, болг. *сýто*, с.-х. *сýто*, чеш. *sítō*, слвц. *si to*, слвн. *sítō*. Ср. **séjg*, **séjete* ‘просеивать’ (неподвижная а.п.).

4. **lektō*: с.-х. *lètō* ‘леток в улье’ (ср. ниже **lektā*). Акцентуационный класс корня неизвестен.

5. **pěstā* (*pěstq*): чеш. *písta*, в.-луж. *pěsta* (но слвн. *pěsta*, как бы отражающее а.п. *a*). Ср. слав. **pōx(j)q*, *l*-причастие **pōxālā* (неподвижная а.п.), а также **pěstō* (см. ниже).

6. **cěsta*: с.-х. *čěsta*, слвн. *cěsta*, слвц. *cesta*, чеш. *cesta* (с часто встречающимся сокращением долготы под «старым акутом»). Акцентуационный класс корня неизвестен.

7. **pluto*: с.-х. диал. (Прчань) *plūtō* (Rešetar 56), (Шолта) *plu tō* (Rad 272. 148), (Дубровник) *plúto* (Rad 126. 240), (Хвар) *pluto* (Hraste-Simunović 820); словин. *plūtō* (Lorentz SW 815) (зап.-слав. **plūtō*). Ср. слав. **plōvq*, **plovetē* (подвижная а.п.).

8. **jāto*: болг. *јто*, с.-х. *jāto*, слвн. *játq*. Ср. **jādq* / **jědq* (образование от корня **ja-* / **jě-* с рецессивным суффиксом *-de-*, см. примечание 5; бессуффиксальный глагол, слав. **jati* / **jěti*, отражен в *jeti*, в.-луж. *jěć*, н.-луж. *jěś*, польск. арх. *jac̄*). Славянская доминантность корня не согласуется с рефлексом подвижности в латышском (*jāt*), ср. еще лит. девербатив на *-ti-*: *jótis*, *jóties*, образованный от доминантного корня (см. ниже, с. 59).

9. **kōlta*: слвн. *kláta*, польск. диал. *kłota* (ЭССЯ 10. 158), русск. диал. *колота* (ОГКО 100). Ср. слав. **koljq*, **koljete*, лтш. *kalt* (неподвижная а.п.), а также **koltō* (см. ниже).

Образования с *-ta* (м.р.)

10. **pěstō*: слвц. *piest*, чеш. *píst*, русск. *пест* (*пестá*, *песты*). Ср. слав. **pōx(j)q* (неподвижная а.п.), а также **pěstā*, **pěstq* (см. выше).

11. **lektō*: слвн. *lēt* с древней инновационной баритонезой: *gen. lēta*; в случае старой а.п. с ожидался бы им.п. **lēt*; с.-х. *lēt*, *lēta* – вторичный переход в а.п. с с распространением долготы гласного на всю парадигму, ср. в литературном диалекте, различающем старые **e* и **ě*: *lēt* (RHJ I. 622). Вторичная «баритонизация» либо переход в а.п. с отмечается в русск. *лёт* (*лёта*), укр. *lít* (*лéту*). Ср. неподвижное **lektō* (см. выше) и лит. *lāktas* 2, *lakta* 2.

13. **poktō*: следы старой неподвижности (а.п. *b*) обнаруживаются только в периферийных чакавских говорах Адриатического побережья: *pōt*, *potā* (Хвар, Врбань: Skok, III. 17)⁶. Рефлексы других славянских языков указывают на праславянскую диалектную вторичную подвижную

акцентную парадигму данного слова: русск. *пот* (*nóta*), др.-русск. *потъ* (а.п. *с*, Зализняк 137), с.-х. литер. *пôт* (*nôta*), слвн. *рôт* (*rôta*) и т.д. Ср. слав. *pëkq, *reçeté (подвижная а.п.).

14. **molt̥*: старая (неподвижная) акцентная парадигма отражена в архаическом варианте верхнелужицкого языка: *młót*, *młóta*⁷, а также в некоторых северо-западных русских и белорусских говорах: псков. *мълатом* (ПОС II.15), минск., новоалекс., вилейск. *молотом*, вилейск. *малату*, *малацé* (Карский I.428)⁸. Она хорошо согласуется с а.п. *b* производного глагола *moltjō, *moltite: в.-луж. *młbcić*, польск. *młocić*, слвн. *mláti*, *mláti*, болг. *млата* (при *млатило*), русск. *млочу*, *млотиши*, чеш. *mláti*, слвц. *mláti*. Другие славянские языки дают материал для реконструкции подвижного **môlt̥*: слвц., чеш. *mlat*, слвн. *mlât*, польск. *młot*, с.-х. *mlât* (*млâта*), русск. *мôлт*. Так же как в предыдущем и следующих примерах (9, 10 и 11) вторичная подвижность появилась в этом образовании в связи с элиминацией в большей части славянского языкового ареала старой «смешанной» (восходящей к балто-славянской неподвижной) акцентной передигмы слов мужского рода с основами на *-o*.

15. **kolt̥*: чеш. диал. *klát* (ЭССЯ 10. 158), слвц. *klát*. Вторична а.п. *c*, отраженная в русск. диал. *кôлом* (СРНГ 14.178), укр. *кôлом* (Гринченко II.272). Ср. слав. *koljō, *koljéte, лтш. *kal̥t* (неподвижная а.п.), а также *kôlta (см. выше). От **kolt̥* образован глагол а.п. *b* *koltjō, *koltite: болг. *клàта*, чеш. *kláti*, слвц. *kláti*, в.-луж. *klócić*, русск. *колочу*, *колотиши*, *колотить*.

16. **nerst̥*: старая неподвижная а.п. (*b*), как и в случае с **molt̥* сохранена верхнелужицким: *drëst*, *drësta* (формы приводятся по Дыбо ВЛ). Реконструкцию неподвижной акцентной парадигмы слова **nerst̥* подтверждает также а.п. *b* производного глагола: болг. (Геров) *нрëстся*, *нрëтиши*, *нрëстился*, укр. (Желеховский) *нерéститися*, *нерéтиши* (со вторичным переходом в а.п. *a*), ср. также лит. *neř̥tas* 2. Вторично подвижный **nerst̥* отражен в русск. *нêрест*, *нêреста*, с.-х. *нрëст* (*нрëста*), слвн. *drëst*, *mrëst* и в производном глаголе: русск. *нêрещусь*, *нêрестишись*, слвн. *drëstím se*/*mrëstám se*. Абраутная пара **norst̥* (ср. лит. *nař̥tas* 2) также, видимо, имела неподвижную а.п. (*b*): в.-луж. арх. *drósč*, *drósta* (Дыбо ВЛ 79), русск. диал. (псков.) *нарóст* (ПОС 4.71), род. п. *нарóсту* (вторичный переход в а.п. *a* — ПОС 1.97) при более обычном *нôрос(m)* (например, Даль II.555, а также ПОС 3.47 для *нôроста* в говоре смоленского типа).

17. **sit̥*: ст.-чеш. *sít*. На а.п. *c* (**sít̥*) указывает слвн. *sít*, тогда как русск. диал. (Даль) *сит* (без указания форм косвенных падежей) мо-

жет восходить к любой из этих прайформ. Видимо, а.п. *b* имело и соответствующее образование ж.-р. *sita, *sitq: с.-х. *сýта* у Вука (отсутствие косвенных форм в его словаре, как правило, указывает на неизменность интонации в парадигме ед.ч.: ожидался бы вин.л. *sýmy). Русск. диал. (Даль) *ситá*, слвн. *sítā*, а также слвц. диал. *sita* (Kálal 606, форма взята из натуралистических работ Кордоша, запись могла быть сделана в одном из говоров с сокращением долгот) могут восходить к форме а.п. *b* или *c*. Неподвижная парадигма согласуется с лит. *siëtas* 2, *saitas* 2. Класс корня неизвестен (ср. лит. *siëti*, лтш. *siet*).

18. **bi̥t̥*: слвн. *bit*, чеш. *bit* (с сокращением долготы под «старым акутом»). Ср. слав. **bi̥jq*, **bi̥jete* (неподвижная а.п. *a*).

Образования на *-dlo*

Материал и обоснование реконструкций славянских образований на *-dlo* будут даны ниже, на с. 82-89. Здесь мы приведем лишь список таких форм (все они имеют неподвижную а.п.) в сопоставлении с производящими глаголами (табл. 1).

Таблица 1

Имена на <i>-dlo</i>	Славянский глагол	Латышский глагол
* <i>bi̥dlo</i>	* <i>bi̥jq</i> , * <i>bi̥jete</i>	—
* <i>dûdlo</i>	* <i>dûjq</i> , * <i>dûjete</i>	—
* <i>mýdlo</i>	* <i>mýjq</i> , * <i>mýjete</i>	—
* <i>rýdlo</i>	* <i>rýjq</i> , * <i>rýjete</i>	—
* <i>šídlo</i>	* <i>ši̥jq</i> , * <i>ši̥jete</i>	<i>šüt</i>
* <i>tôrdlo</i>	* <i>tôrjq</i> , * <i>tôrete</i>	(<i>trît</i>)
* <i>médlö</i>	* <i>mænjq</i> , * <i>mænête</i>	<i>mît</i>
* <i>čúdlo</i>	* <i>čûjq</i> , * <i>čûjete</i>	—
* <i>čedlö</i>	* <i>čenjq</i> , * <i>čenête</i>	—
* <i>dëdlo</i>	* <i>dëjq</i> , * <i>dëjete</i>	<i>dêt</i>
* <i>pëdlo</i>	* <i>pënjq</i> , * <i>pënete</i>	<i>pît</i>
* <i>stadlö</i>	* <i>stâjq</i> , * <i>stajete</i>	<i>stât</i>
* <i>tvôrdlö</i>	—	<i>tvêrt</i>
* <i>verdlö</i>	* <i>vôrjq</i> , * <i>vôrete</i>	<i>vîrt</i>
* <i>zëdlö</i>	—	<i>dzelt</i>
* <i>zërdlö</i> , * <i>zôrdlö</i> , * <i>gôrdlo</i>	* <i>zërq</i> , * <i>zere</i>	<i>dzêrt</i>

*vidlo (//*vidlo, -a) bydlo (//*býdlo) *židlo *órdlo	*vijq, *vijeté sup. *býtø *živq, *živeté *ðr(j)q, *or(j)ete	vít büt dzít árt
---	--	---------------------------

* * *

Приведенный выше материал балто-славянских языков показывает, что балто-славянские рефлексы индоевропейских суффиксов **-dθ-* и **-tθ-* отлагольных существительных принадлежат к доминантному классу, вследствие чего образования с этими суффиксами имеют неподвижную акцентную парадигму независимо от принадлежности корня к одному из акцентуационно-морфонологических классов (доминантному или рецессивному). Ниже приведена сводка балто-славянских образований с данными суффиксами:

Славянский	Литовский	Глагол
*sítō	síetas 1	слав. *séjq
*lektó, *lektó	lāktas 2, laktà 2	(ср.лит. lěkia)
*pěsta (pěstq), pěstō	piěstas 2, piestà 2	слав. *pøx(j)q
*nerstú, *norstō	neřstas 2, nařstas 2	(ср.лит. neřšia)
*dědló	děklas 2	слав. *dějø, лтш. dēt
*órdlo	árklas 1	слав. *ðr(j)q, лтш. árt
*stadló	(staklà 2)	слав. *stājø, лтш. stat
*žerdlo, *žvrdlo	(gérklos 1)	слав. *žērø, лтш. dzērt
*sítá, (*sító), *sil	siétas 2, saítas 2	(ср.лит. siéti)

Балто-славянские соответствия греко-арийским суффиксам II класса

К суффиксам, относящимся в греко-арийском ко II морфонологическому классу и с которыми имеются многочисленные образования в южно-славянском, принадлежит, среди прочих, *-*ti-* (греч. *-τι-* / *-σι-*, др.-инд. *-ti-*, слав. *-tъ*, балт. *-ti-*).

Материал балто-славянских языков показывает такую первонаучальную ситуацию, при которой акцентная парадигма данных образований выбиралась в зависимости от акцентной парадигмы корневой морфемы, т.е. данный суффикс принадлежал к классу рецессивных. Наиболее отчетливо это распределение видно в литовском языке.

Литовский язык

В современном литературном литовском языке, а также во многих близких к нему диалектах, большинство старых акцентуационно неподвижных имен с *i*-основами стало подвижным (параллельный процесс происходил в морфонологически сходных *u*-основах) (Stang VG 150-151). Обратный же переход имен с основами на *-i* и *-u* из акцентуационно подвижных в неподвижные в системах исследованных нами источников не происходил. Поэтому, если у данного образования даже лишь в одном из источников зафиксирована неподвижная акцентная парадигма, такая форма с большим основанием может считаться архаичной⁹.

Образования от доминантных корней

1. *détils* 1 (DLKŽ 131, SkŽD 326, Jušk. I(2).317), pl. *détyis* 1 (DLKŽ 131, LRKŽ 124) – лтш. *dēt* ‘откладывать яйца’ (отличать от *dēt* ‘класть’, сп.литовское производное *pā-dēūs*, см. ниже, с. 60).
2. *pa-žintis (SkŽD 326), видимо, вторично вместо **žintis* 1, сп. интонацию производящего глагола *pa-žinti*. Вторична а.п. в *pažintis* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 567, LRKŽ 453, Šlap. 335) – лтш. *pa-žit*.
3. *piūtis* 1 (SkŽD 326, Šlap. 249), *pa-piūtis* (SkŽD 326, Šlap. 305) при вторичных *piūtis* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 589, LRKŽ 477), *papiūtis* 4 (DLKŽ 542) – лтш. *pūaut*.
4. *viltis* 1 (SkŽD 326, DLKŽ 946) при вторичной подвижности в *viltis* 3 (SkŽD 326, LRKŽ 720, DLKŽ 946), *viltis* 4 (SkŽD 326, Šlap. 586) – лтш. *vilč*.
5. *kártis* 1 (SkŽD 327, DLKŽ 317, LRKŽ 268, Šlap. 151, Jušk. II.46) – лтш. *kárt*.
6. *skiltis* 1 (SkŽD 327, DLKŽ 729, LRKŽ 567, Šlap. 443) – лтш. *skilt*.
7. pl. *sviltys* 1 (SkŽD 327) – лтш. *svilt*.
8. *šūtis* 1 (SkŽD 328, DLKŽ 828) – лтш. *šauč*, слав. *sújø, *sújete.
9. pl. *žiótys* 1 (SkŽD 328, DLKŽ 977, LRKŽ 734, Šlap. 601) – слав. *zéjø, *zéjete, *zvjalā.

Сюда же относятся производные от глаголов с корнями на шумный, имеющие вторичную подвижную акцентную парадигму (отраженную в прерывистой интонации корня) в латышском¹⁰:

10. *sprūstis* 1 (SkŽD 326, DLKŽ 759, LRKŽ 581) при вторичном *sprūstās* 4 (SkŽD 326, Šlap. 461) – ср. лтш. *sprūst*.

11. *lūžtis* 1 (SkŽD 327) – ср. лтш. *lāutz*.

12. *slógtis* 1 (SkŽD 328) – ср. лтш. *slēgt* (аблаутная пара к *slāgt, ср. лит. *slégti / *slótū*). К I классу относится и соответствующий греческий корень *hλάγτη-* (см. Николаев ГМ 1 94).

13. *grūstis* 1 (Šlap. 85) при вторичном (?) *grūstās* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 237, LRKŽ 169) – ср. лтш. *grūst*.

Регулярными являются также неподвижные образования от непереходных пар к корням с конечными циркумфлектизованными дифтонгами. «Вторичный акут», появляющийся в таких непереходных парах, всегда отражается в латышском как плавная интонация, восходящая к неподвижной акцентной парадигме (либо связанная с метатонией особого рода, при которой любые морфемы переходят в доминантный класс): лит. *bērti* – *bīrti*, лтш. *bērt* (вместо *bērti с метатонией) – *bīrt*; лит. *rēmti* – *rīmti*, лтш. *rīmt* и т.д. (Николаев–Старостин 313). В данном случае речь идет о следующих образованиях:

14. *krýtis* 1 (DLKŽ 383, Šlap. 189, SkŽD 328, LRKŽ 295) – ср. лит. *kriēti*: *krýti* (жем., Fraenkel 297), лтш. *krīet* (ожидалась бы пара *krītī).

15. *svīrtis* 1 (SkŽD 327, DLKŽ 792, LRKŽ 634) при вторичном *svīrtās* 3 или 4? (SkŽD) – лит. *svētīti*: *svīrti*, лтш. *svērt* (ожидалась бы непереходная пара *svītītī).

Видимыми исключениями являются следующие случаи, когда образования на *-ti-* неподвижной акцентной парадигмы происходят от рецессивных корней:

1. *grūžtis* 1 (Jušk. I (2). 483) при *grūžtās* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 237, LRKŽ 169, Šlap. 85) – ср. слав. *grýzq, *gryzete, лтш. *graūzt* (подвижная а.п.). В данном случае неподвижное *grūžtis*, известное только из словаря Юшкевича, может рассматриваться как вторичное: это либо диалектный перевод части *ti-* основ с акцентированным корнем из 3-й в 1-ю а.п., либо выравнивание по инфинитиву *grūžti*/*grāužti*.

2. *kliáutis* 1 (SkŽD 326, DLKŽ 351, LRKŽ 283, Šlap. 176) – ср. лтш. *kļāut*, *kļāutiēs*. Однако непереходная латышская пара имеет плавную интонацию: *kļūt*, – что необычно, так как пары к глаголам с корнями, содержащими акцентированный ауслаутный дифтонг, в большинстве случаев сохраняют в латышском интонацию производящего глагола

(иначе говоря, отражают акцентную парадигму, которую имел производящий глагол); ср. *nērt* – *ničt*, *kraūt* – *kūtiēs*, *liēt* – *līt* и т.д. (Николаев–Старостин 313). С интонацией лтш. *kļūt* соотносится и неподвижная а.п. литовского производного *kliūtis* 1 (SkŽD 327, Šlap. 177, DLKŽ 354, LRKŽ 284) при вторичных *kliūtās* 3 (SkŽD 327) и *kliūtās* 4 (как вариант в Šlap. 177, SkŽD 327). В данном случае скорее всего нужно предполагать вторичность прерывистой интонации лтш. *kļāutiēs*, т.е. постулировать прабалтийскую доминантность данного глагольного корня.

3. *džiūtis* 1 (Šlap. 60) при *džiūtās* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 169, LRKŽ 138) – ср. лтш. *žāut* с непереходной парой *žūt*. Этот пример из слова Шлапялиса может рассматриваться как случайная аберрация (и даже ошибка), хотя не исключен и вторичный переход производящего глагола в неподвижный тип в "прадиалекте" Шлапялиса.

4. *jótis* 1 (жем., DLKŽ 289) – ср. лтш. *jāt*. Однако слав. *jado / *jedo имеет неподвижную а.п. *a*, что является сильным аргументом в пользу признания латышской прерывистой интонации вторичной. Ср. слав. *klādq (а.п. *c*, т.е. подвижная) при лтш. *klāt*.

Таким образом, перечисленные исключения не являются серьезным противоречием предложенному нами правилу: все они объясняются вторичными процессами в отдельных диалектах.

Образования от рецессивных корней

В отличие от форм с суффиксом **-ti-*, образованных от доминантных корней, все без исключения *ti-*-девербативы от рецессивных балто-славянских корней имеют в литовском подвижную акцентную парадигму. Кроме того, в них регулярно наблюдается метатония, а именно, исконно акцентированные корни имеют циркумфлексовую интонацию (вследствие чего такие формы изменяются по а.п. 4).

Вслед за Хр. Стангом мы считаем эту метатонию вторичной, исключительно литовской, аналогичной той, что появляется и в других именах с *-i-* и *-u-* основами, первоначально принадлежащих к а.п. 3 (Stang VG 150–151). Нейтрализация а.п. 3 и 4 в *i-* и *u-* основах легко объясняется тем, что баритонированные формы, в которых различаются акут и циркумфлекс, представлены лишь в четырех падежах (дат. и вин. п. ед. и имен. п. мн. и дв. ч.), тогда как во всех остальных одиннадцати падежных формах представлена окситонеза, при которой безударные интонационные различия в подавляющем большинстве литовских диалектов отсутствуют. Имеется другой вид литовской (в действии

вительности балто-славянской) метатонии, рефлексы которой обнаруживаются преимущественно в ударных слогах. Этот вид метатонии, имеющий большое сравнительно-историческое значение, будет рассматриваться ниже, на с. 75–97.

Имеющиеся в нашем материале образования на *-ti-* а.п. 3 образованы исключительно от доминантных корней, причем при них имеются архаичные формы а.л. 1 (см. выше № 4, 14, 16). Здесь а.л. 3 следует рассматривать как переходную от архаического типа с а.п. 1 с сохранением акута к продуктивной а.л. 4 с инновационным циркумфлексом. В формах на *-ti-* от рецессивных корней (подвижных глаголов), первоначально долженствовавших иметь а.л. 3 (т.е. сохранять корневой акут), подобное парадигматическое изменение произошло раньше, поэтому мы и не обнаруживаем форм на *-ti-* с а.л. 3 от подвижных глаголов. Имеется следующий материал:

1. *būtis* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 99, LRKŽ 110, Šlap. 37) – лтш. *būt*, слав. *bylə, *byla.

2. *klotis* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 355, LRKŽ 284, Šlap. 178, Jušk. II. 170) – лтш. *klāt*, слав. *klādq, *kladetē.

3. *mirtis* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 469, LRKŽ 335, Šlap. 233) – слав. **m̥r̥q*, **m̥rete*; лтш. *miřt* является вторично акутированной (и поэтому имеющей плавную интонацию) парой к предполагаемому *mirt (соответствующему лит. *miřti*).

4. *pa-spiritis* 4 (SkŽD 326, DLKŽ 554, LRKŽ 440) – лтш. *speit*, слав. **p̥ero*, *perete.

5. *keltis* 4 (SkŽD 327, LRKŽ 273, DLKŽ 329) – лтш. *ceit*.

6. *milžtis* 4 (SkŽD 327) – слав. **m̥lzq*, **m̥lzete*, лтш. *milžt*.

7. *pa-detis* 4 (SkŽD 327, DLKŽ 526, LRKŽ 394, Šlap. 288) – однако *dētis* (Jušk. I(1).317), видимо, вторичная форма (см. комментарий к *gnūtis* на с. 58–59) – лтш. *dēt* ‘класть’, слав. *dējq, *dējetē.

8. *vytis* 4 (SkŽD 328, DLKŽ 955, LRKŽ 725, Šlap. 590) – лтш. *vīt*, слав. *vījq, *vijete.

Как видно из приведенного выше материала, литовский показывает первоначальное строгое распределение акцентных парадигм от глагольных образований на *-ti-* в зависимости от класса глагольного корня. Доминантные корни образуют имена на *-ti-* неподвижной акцентной парадигмы (подвижность в них возникает вторично), тогда как рецессивные корни образуют исключительно подвижные производные. Даже в случае приобретения формами на *-ti-* от доминантных

корней подвижной парадигмы эти образования отличаются от форм, произведенных от рецессивных корней: образования от рецессивных корней всегда имеют подвижную – в известных нам источниках только а.л. 4, тогда как образования от доминантных корней могут, наряду с а.л. 4 иметь и а.л. 3.

В латышском языке образования на *-ti-* всегда, насколько нам известно, имеют интонацию инфинитива производящего глагола. Эта ситуация может быть как первичной (ведь именно такое распределение предполагается нами для балто-славянского), так и вторичной (ср. такую же картину в образованиях с доминантными суффиксами). Окончательное решение этого вопроса связано с выяснением генезиса латышских плавной и прерывистой интонаций – являются ли они отражением акцентных парадигм, или представляют собой непосредственные рефлексы балто-славянских морфемных просодических характеристик (см. ниже, с. 100–101).

Славянские языки

В славянских языках (возможно, уже в позднем праславянском) тенденция к обобщению подвижной акцентной парадигмы у всех образований на *-ti-*, наблюдавшаяся в современном литовском, была осуществлена почти полностью. Независимо от класса корня все девербативы на *-ti-* (кроме *sētō) имеют а.п. с:

1. *mōktō: др.-русск. *мочь* (а.п. с, Зализняк 138), укр. *міч*, *мочи*, срх. *mōt̥*, *mōt̥i*, слвн. *mōč*, *mōči*, чеш., слвц. *moc*. Ср. слав. *mogq, *možete (неподвижная а.л. b).

2. *māstō: русск. *масть*, *мáстъ*, срх. *māst̥*, *māst̥i*, укр. *масть*, *másti*, слвн. *māst̥*, *mást̥i*, чеш. *mast*, слвц. *mast̥*, малопольск. *maś*; а.п. с имеет и производный глагол *māstiq, *mastié, *mastiū: слвн. *mastíti*, *mastítm*, русск. (у) *мастить*, (у) *машу*, (у) *мастить*. Ср. глагол неподвижной а.л. а: *mázq, *mázati.

3. *pāstō: русск. *пастъ*, *násti*, также *прóпастъ*, чеш. *past*, слвц. *past̥*, слвн. *pāst*, *pasti*. Ср. слав. *pādq, *pādete (неподвижная а.л. a).

4. *strāstō: русск. *страстъ*, *ст्रáсти*, слвн. *strāst*, *strast̥i*, срх. *страпст̥*, *страпст̥i*, чеш. *strast*, слвц. *strast̥*. Ср. слав. *stradiq, *stra-dáti (неподвижная а.л.).

5. *věstō: др.-русск. *вѣстъ* (а.п. с, Зализняк 138), русск. *вестъ*, *вѣсти*, также *пóвестъ*, чеш. *věst*, слвц. *vest̥*, слвн. *věst̥i*, *vesť*, срх. *vījest*, *vījesti*. Ср. производный глагол подвижной а.п. *věstiq, **věst-*

titē: русск. *(из)вестъ*, *(из)вести*, слвн. *(iz)vestiti*, *-vestim*, чеш. *věstiti* и т.д. Глагольный корень относится к классу доминантных: *vědēti.

6. *pěkti: русск. *печь*, *печи*, укр. *піч*, *нечи*, с.-х. *пѣх*, *нѣху*, слвн. *pěč*, *peči*. Ср. слав. подвижный глагол *pěkъ, *pečetē.

7. **č̄bsti*: русск. *честъ*, *чести*, с.-х. *чѣстъ*, *чѣсти*, слвн. *čast*, *časti*. Ср. слав. **č̄btъ*, **č̄bъ tetē* подвижной а.п.

8. *vôlstsъ: русск. *вόлость*, укр. *вόлость*, с.-х. *влâстъ*, *влâсти*, слвн. *(v)last*, *(v)lasti* (и производный подвижный глагол *lastiti*, *lastim*, польск. *włość*, слвц. *vlastъ*, чеш. *vlast*. Слабо засвидетельствованный глагол *voldq, *volsti (ст.-слав. *власти*, *владъ*, чеш. *vladu*, *vlásti*, слвц. *vlásť* – Kálal 773), возможно, имел неподвижную а.п., ср. слвц. *vlásť* – 3-е л.ед.ч., *влáдеть* (Зографский сборник № 103.49³⁰а, устное сообщение В.А.Дыбо).

9. Единственным надежным примером образования на -*ti – неподвижной а.п. является *sětъ: чеш. *sít*, слвц. *sietъ*. Вторична а.п. с в русск. *сетъ*, *сéти*, род.л. мн.ч. *сетéй*, укр. *cітъ*, *cіти*. В древнейшем акцентированном русском памятнике, «Чудовском Новом Завете», данное слово также имеет а.п. с: *c tñm бđ* (с переносом ударения с формы-энклиномена на энклитику, им.п. ед.ч., 391). В отдельных древнерусских памятниках у этого слова отмечена вторичная а.п. а (Зализняк 132). Акцентационный класс корня (ср. лит. *siēti*, лтш. *siet*) неизвестен.

Производные *môkti, *mâstъ, *pâstъ, *strâstъ и *vêstъ образованы от доминантных корней, тогда как *pěkti и **č̄bsti* – от рецессивных. Видимо, доминантным был корень образования *sětъ.

Несколько иначе обстоит дело с суффиксами, восходящими к и.-е. -**men-*. Его рефлексы относятся в греко-арийском ко II классу: греч. -μα (ср.р.), -μων/-μην (м.р.), соответственно др.-инд. -*ma* и -*mān*. Соответствующие балто-славянские суффиксы – слав. -*te*, -*men-* (старый им.п. ед.ч. -*mý*), лит. -*tiō* (-*men-*).

В литовском (по крайней мере в литературном языке и близких к нему диалектах) подавляющее большинство старых образований на -*tiō* (а также многочисленные неологизмы) имеют подвижную акцентную парадигму, причем акутированные корни сохраняют в производных свою интонацию: *édménys* (Залл: DLKŽ 169) – ср. слав. **jě dm̥b*, аог. *jěsə (подвижная (?) а.п. с); *juostuō* (SkŽD 295; Залл: DLKŽ 294, Šlap. 136) – ср. слав. *-*jájsjø*, неподвижная а.п. а; *laštuō* (SkŽD 295); *armuō* (SkŽD 294; Залл: DLKŽ 35) – ср. лтш. *ařt*, слав. **řgr(j)ø*

(подвижная а.п. с), ср. еще греч. ἄρωμα от ἄρο- II кл.; *aūgmuō* (SkŽD 294; Залл: DLKŽ 53, Šlap. 28); *lenkmuō* (SkŽD 294; Залл: DLKŽ 417, Šlap. 206 – acc. *leñkmenj*); *melmuō* Залл: DLKŽ 455, Šlap. 225) – ср. лтш. *maiū*, слав. *meljø (неподвижная а.п. б); *metmuō* (SkŽD 295; Залл: DLKŽ 460, Šlap. 228) – ср. слав. *mētø (подвижная а.п.) и т.п. Редким исключением является старая неподвижная акцентная парадигма слова *āktiuō (у Даукши и в памятниках Прусской Литвы, см. (Илич-Свитыч 63), ср. слав. **kámt̥y* (а.п. а).

Напротив, славянские отглагольные образования на -*te* (-*men-*) ср. р., а также на -*mý м.р. (< *-*mōn*), -*men-* с дальнейшими морфонологическими преобразованиями в отдельных языках (обычно с обобщением аккузативного -*men) могли иметь все три славянские акцентные парадигмы (морфонологически дополнительно распределенные неподвижные а.п. а и б и подвижную а.п. с).

Анализ славянских форм на -*te и -*mý (как отглагольных, так и отыменных, в которых -*men-* может и не быть исконным суффиксом, а лишь «субморфом») необходимо начать с разбора систем отдельных языков.

В словенском литературном языке подавляющее большинство форм на -*te и -*mý в основном распределяются по двум акцентным парадигмам: баритонированной (формально восходящей к праславянской а.п. а) и первоначально окситонированной – с ударением на суффиксе (формально восходящей к праславянской а.п. б). Баритонированные образования (см. Pleš.) *ráme* (*gen. rámena*), *kámen* (*kámena*), *prámen* (*prámena*), *séme* (*sémena*), *víme* (*vímena*), *téme* (*témena*). Окситонированные образования в им. п. ед.ч. характеризуются иктусом на первом слоге, оттянутым с конечного (на оттяжку указывает недифтонгическое ударное *e*), а в родительном – иктусом на суффиксе: *strémen*/*stréme* (*gen. streména*), *strúmen* (*struména*), *rémen* (*reména*), *pléme* (*pleména*) ‘племя’, *plémen*/*pléme* (*pleména*) ‘прядь’, *bréme* (*bre-ména*), *písmé* (*pisména*), *krémen* (*kreména*).

Особый тип представляют собой образования, колеблющиеся между баритонированной и окситонированной парадигмами. Их можно было бы считать вторичными диалектными вариантами, если бы не тот факт, что именно они, в отличие от подавляющего большинства строго баритонированных и окситонированных форм, восходят к праславянскому подвижному типу (см. об этом ниже, с. 66-72). Случаи эти таковы: *slémē* (*gen. sléména*) и *sléme* (*sleména*); *pláme*/*plámen* (*pla-ména*) и *plámen* (*plámna*); *vréme*/*vrémēna* и *vrémē*/*vrémēna*.

Единственным непосредственным рефлексом славянского образования подвижной акцентной парадигмы в словенском является *imē*, gen. *imēna* (< *j̥mē, *j̥mene) – ср.др.-русск. **има** (ал. с.).

В отличие от словенского, практически все образования на *-mē/-mū* в литературном сербохорватском (штокавском) языке имеют смешанную акцентную парадигму, характеризующуюся баритонезой в им. и род. п. ед. ч. и первоначальной окситонезой в местн. п. ед. и мн. ч. от корней с краткими гласными *stremēn* (род.л. *stremēna*), *rēmēn* (род.п. *rēmena*), *plēme* (род.л. *plēmena*, им.п. мн.ч. *plēmēna*), *kremēn* (род.л. *kremēna*), *ümē* (род.п. *ümena*); от корней с долгими гласными и дифтонгическими сочетаниями: *rāme* (род.л. *rāmena*, им.п. мн.ч. *ramēna*), *grūmēn* (род.п. *grūmena*), *grēmēn* (род.п. *grēmena*), *kāmēn* (род.л. *kāmena*, местн.л. *kāmēnu*), *plāmēn* (род.л. *plāmena*, местн. *plāmēnu*), *prāmēn* (род.л. *prāmena*), *břēme* (род.п. *břemēna*), *sčēme* (род.л. *sčēmena*, им.п. мн.ч. *sčemēna*), *vīme* (род.п. *vīmena*), *šlēme* (род.п. *šlēmena*), *znāmēn* (род.л. * *znāmena*), *tjēme* (род.л. *tjēmena*).

Единственным образомием с первоначальной штокавской окситонезой в им.л. ед.ч. является *vrijȇme* (род.п. *vrȇmena* образован по общей модели). Однако есть основания думать, что окситонеза шток. *vrijȇme* отражает не древнюю а л. *b*, а скорее форму-энклиномен акцентной парадигмы *c*, ср. сочетание с проклитикой в *n̥vrijȇme*. Отражением праславянской формы с начальным циркумфлексом, т.е. энклиномена, является данное слово в чакавском говоре (Нови), записанном А.Беличем (Белич 42): *vr̥ime* (< *v̥er̥(t)mē), и в южночакавских говорах (*vr̥ime*: Hraste-Šimunović 1339). В материалах Белича присутствует также *p̥ȇn̥t̥ime* (в противоположность соответствующим штокавской норме *br̥ime*, *s̥ime*, *r̥ame* (*na r̥ame*), *sl̥ime*). Также и свидетельствованная в старочерногорских говорах (Пешикан 220 – алфавитный указатель слов, с. 62 – правила порождения акцентных парадигм) форма *vrijȇme* (при нормально отражающем а л. с род.п. *vrȇmena*) может возводиться к слав. *v̥er̥(t)mē – ср. ст.-черног. (Цуца) *pl̥eme* (*pl̥ēmena*), *ramo* (*rāmena*), *gr̥mēn* (*grēmena*), *kāmēn* (*kāmena*), *břēme* (*břemēna*), *sčēme* (*sčēmena*), *vīme* (*vīmena*) и *šlēme* (*šlēmena*). Видимо, шток. *vrijȇme* является вторичным преобразованием *v̥i̥jēte. Таким образом, эта форма представляет собой единственный остаток подвижных образований на *-mē/-mēn-* в известных нам сербохорватских диалектах.

Западнославянские языки показывают строго бинарное распределение образований на *-mē/-mū*, причем рефлексы старых

акцентных парадигм проявляются лишь в формах с корнями, содержащими исконно долгие гласные и дифтонгические сочетания (ниже даются условные празападнославянские реконструкции): *barytona* – *ōrgē (чеш. *rámě*, слвц. *ratā*, малопольск. *ratē*); *rōgtēn- (чеш. *praten*, слвц. *pratēň*, малопольск. *protē*, в.-луж. арх. *prōtjo*); *kātēn- (чеш. *káten*¹², слвц. *kateň*, малопольск. *kātēj*); *rōlēn- (чеш. *plamen*, слвц. *plateň*, малопольск. *r̥zotēj*) и *rōlētē (в.-луж. арх. *plōtjo*, малопольск. *rioztē*); *bērētē (чеш. *břímě*, *břetēno*, слвц. *bretä*, в.-луж. *brētjo*); *sētē (чеш. *símě*, *seteno*, слвц. *semä*); *tētē (чеш. *témě*, *temeno*, слвц. *temä*); *sēlētē (чеш. *slémě*, *slemeno*, слвц. *slemä*); *vūtē (чеш. *výtě*, слвц. *vemä*). Видимо, к этому же типу относилось также *strūtēn- (чеш. арх. *strumen*, слвц. *strumä*) и *znātē (слвц. *znamä*)¹³, хотя в принципе здесь не исключена и альтернативная реконструкция старой подвижной а л. (*strūtēn-, *znātē). Однако отсутствие рефлексов а л. с среди образований, имеющих формы, релевантные для различия рефлексов подвижной (*c*) и баритонированной (*a*) акцентной парадигмы в западнославянских языках, склоняет к предположению о совпадении в этой группе подвижной парадигмы форм на *-tēn-* с баритонированной (вернее сказать, формы на *-tēn-* а л. с корнями, содержащими долгие гласные и дифтонги, перешли в западнославянском в а л. *a*).

Надежный рефлекс окситонезы (а,п. *b*) имеет западнославянское *p̥is̥tē* (чеш. арх. *p̥ismě*, совр. *p̥ismeno*, слвц. *p̥ismeno* – ср. краткость в чеш. *břetēno*, слвц. *bretēno* – а л. *a*).

Наибольший интерес со сравнительно-исторической точки зрения представляет собой восточнославянская ситуация. Здесь среди образований на *-mē/-mū* мы встречаем рефлексы всех трех праславянских акцентных парадигм.

А л. *a* имели: *kātēn- (русск. *камень*, *камня*, укр. *камінь*, *ка́мени*, др.-русск. (Чудовский Новый Завет)¹⁴ без переноса на проклитики: *à na kámeni* 149, *i kámē* 47³; *камы*, *каменъ* – а л. *a*, Зализняк 132); *sētē (русск. *семя*, *семени*, укр. *сім'я*, *сімени*, белор. *сім'я*, др.-русск. (Чудовский Новый Завет) без переноса ударения на проклитику: *с̥т̥мени* 67³; *vūtē (русск. *вымя*, *вымени*, укр. *вýм'я*, *вýмени*, белор. *вýм'я*); . *tētē (русск. *тёмя*, *тёмени*, укр. *тім'я*, *тімени*); *ōrgē (укр. *rám'я*, белор. *rám'a*); *bērētē (русск. диал. *берёма*, белор. *бярэма*, др.-русск. *берёма* – видимо, а л. *a*, Зализняк 132).

Рефлексы окситонированной а л. (*b*) основ м.р. на *-tēn-* хорошо сохранились в русском языке (ср. противопоставление *камень* : *ре́мень*), а в литературных украинском и белорусском языке они полу-

чили вторичную баритонезу: *remén- – русск. *ремень*, *ремя́*, но укр. *рémінь*, *рéменя*, *kremén- – русск. *кремέнь*, *кремнá*, но укр. *кréмінь*, *кréменю*, белор. *кréмень*. В древнерусских акцентуированных текстах засвидетельствовано окситонированное образование ср. р. *писмá* (например, в Чудовском Новом Завете: Зализняк 150), ср. еще сохранившееся в современном русском мн.ч. *письменá* (со ставшим надпара-дигматическим конечным ударением: ср. *семенá* от *сéмъ*, старая а.п. *а*). Старая а.л. *в* слова *ple(d)tę сохранена во многих русских диалектах, например *племá* (Даль), *племé* (СРГНО 390), ср. не имеющее окситонированного варианта *стрéмъ* (укр. диал. *стремí*, видимо, вторично¹⁵). Окситонированная форма *племá* засвидетельствована в старорусских и староукраинских акцентуированных текстах, а также в старобелорусских памятниках и белорусских диалектах (Скляренко 17).

А.п. с имели: *rōl̥tę (русск. диал. *пóломъ*, *пóлымя*, укр. *пóлумъя*, белор. *пóлымя*); *strōtę ‘стремнина, круча’ (русск. диал. *стрéмъ*, укр. *стрéмъ*); *sēltę ‘холм’ (русск. диал. *шóломъ*, *шóлымя*) и *šēltę ‘конек крыши’ (русск. диал. *вятск.*) *шóломъ* (Шахматов 159; ИОРЯС, Т.7 (2).352) с неясным начальным *š- (ср. слав. *sélmtę), возможно, *ш-* в этом русском образовании введено вместо *с-* в результате контаминации с предшествующим словом и *šelmtę ‘шлем’; *strētę/ *strēmen- (русск. *стрéмъ*, диал. *стрéменъ*, укр. *стрéмінь*); *vētę (укр. (Желеховский) *вéремé*, белор. (Носович) *вéремя*). Неполногласная (русская церковнославянская) форма *вréмъ* начиная с древнерусской эпохи также имеет а.п. с, видимо сохраняя акцентную парадигму вытесненного исконного *vérəmъ: совр. русск. *вréмъ*, *вréмени*, арх. *вó времъ*, *нá времъ*; в Чудовском Новом Завете переносы на энклитики и проклитики: *время же* 76⁴, *и время* 95³, *до времени* 121³ и т.п. Также а.п. с имело др.-русск. *имъ*: ср. в Чудовском Новом Завете *има́сे* 643, *вó имъ* 493, *о имени* 471, *но имени* 46⁴ и т.д., совр. русск. *имъ*, *имени*, арх. *вó имъ*. А.п. с имело также *strūmen- (русск. диал. *струменъ*, укр. *струмінь*) – а.п. *а* здесь, видимо, исключена ввиду балто-славянского циркумфлекса на корневом дифтонге, ср. лит. *straumis* (acc. *straumeni*).

Первая и в общем удачная попытка реконструировать три акцентуационных класса праславянских образований ср. р. на -tę была предпринята в 30-х годах Л.В. Матвеевой-Исаевой (см. Матвеева-Исаева). Она высказала верную догадку о том, что для реконструкции праславянских форм с корневым акутом (в современных терминах – форм а.п. *а*) в первую очередь важны словенские данные. К

этому типу она справедливо отнесла *sětę, *tětę, *vutę, *otę (а также *selmę в действительности имевшее, по всей видимости, а.л. *с*, см. ниже). Ко второму типу, объединяющему формы с циркумфлексированной долготой или краткостью корневого слога (в наших терминах – имевших а.л. *с*), Л.В. Матвеева-Исаева правильно отнесла (на основании сравнения восточнославянских и словенских данных) *jytę и (на основании сравнения восточнославянского и сербского материала) *ver(t)mę. Восточнославянские языки позволили ей отнести к этой группе также *polmę. Отнесение Л.В. Матвеевой-Исаевой образования *znamę ко второму типу (т.е. типу с а.л. *с*) базируется на русском мн.ч. *знамéна*, однако эта форма (равно как укр. *знамéно/знамено*) в действительности нерелевантна для определения праславянской акцентуации данного слова. Верно отнесение Л.В. Матвеевой-Исаевой формы *ple(d)tę к третьей группе (с ударением на суффиксе, в современных терминах – а.л. *b*), однако *stretę вряд ли сюда относится (укр. диал. вариант *стремá* скорее всего вторичен). Л.В. Матвеева-Исаева обратила внимание на особое соотношение рефлексов слав. *berętę в отдельных подгруппах, правда, она колебалась в отнесении этого образования к первой (= а.л. *а*) либо к третьей (= а.л. *b*) группам, тогда как скорее всего оно имеет а.л. *с* и/или *a* (см. ниже).

В дальнейшем реконструкции отдельных славянских форм на -tę, в большинстве случаев совпадающие с нашими, давались В.М.Иллич-Свитычем, В.В.Колесовым, В.Кипарским, Хр.Стангом и др. (см. Скляренко 14, 15). Однако этих исследователей в основном интересовала акцентуация имен ср. р. на -*tę, а акцентологически аналогичные образования м.р. на -*mę/-*men- чаще всего не рассматривались в одной системе с формами на -*tę.

Ниже мы предлагаем свой вариант интерпретации соответствий между акцентными типами славянских образований на -men- (м. и ср.р.) и праславянские реконструкции этих образований.

Слова на -*men- праславянской а.л. *а* сохраняют рефлекс этой парадигмы во всех четырех рассмотренных системах (причем в данном случае словенский не имеет колебаний между баритонезой и окситонезой):

Праславянский	Восточнославянский	Словенский	Сербский (штокав.)	Западнославянский
* ^ó bt̪e	* ^ó bt̪e	ráme, rámena	rāme	* ^ó bt̪e
*pōt̪m̄y, *pōr̄te	-	prámen, prámena	prāmēn	*pōt̪men-, *pōr̄te
*kāt̪m̄y	*kāt̪men-	kámen, kámena	kāmēn	kāt̪men-
*sēt̪e	*sēt̪e	séme, sémena	sjēme	*sēt̪e
*vūt̪e	*vūt̪e	víme, vímena	vīme	*vūt̪e
*tēt̪e	*tēt̪e	téme, témena	tjēme	*tēt̪e

Основы на *-men-* праславянской а.п. *b* имеют а.п. *b* в восточнославянском и рефлекс окситонезы в словенском и западнославянском (в образованиях от корней с краткими гласными различие старой окситонезы и баритонезы/подвижности в западнославянском по фонетическим причинам не наблюдается, поэтому соответствующие праформы даются в скобках). В штокавском эти образования формально перешли в а.п. *c* (стали баритонированными и имеют подвижную а.п.):

Праславянский	Восточнославянский	Словенский	Сербский (штокав.)	Западнославянский
*krem̄y	*kremén-	krémen, kreména	kremēn	(*kremen-)
*ple(d)m̄e	*plem̄e	pléme, pléména	plēme	(*pleme)
*pism̄e	*pism̄e	písmę, pisména	-	*pism̄e
*rem̄y	*remén-	rémen, reména	rēmēn	(*remen-)

Старые подвижные образования на *-men-* сохраняют а.п. *c* в восточнославянском. В словенском формы с краткостными корнями первоначально, видимо, сохраняли подвижность (судя по *iːt̪e*), однако *stréme(n)* уже имеет только окситонезу. Формы, содержащие корни с долготой и дифтонгические сочетания, показывают колебания между баритонированной и окситонированной акцентной парадигмой (вторая чаще встречается в литературном словенском). Штокавский перевел все формы старой а.п. *c* в баритонированные, причем в случае краткости корневого гласного эта баритонеза регулярно отражает форму, соответствующую а.п. *c*, тогда как образования от корней с долгими гласными и дифтонгами перешли в а.п. *a* (также модифицированную ввиду проникновения в нее окситонированных форм). Важное исключение

– вторично окситонированное штокав. *vrij̄eme*, при рефлексе энклиномена в *n̄eerījeme*, ср. прямо отражающее форму а.п. *c* чак. *v̄ite*, возможно, также ст.-черног. *vrij̄eme* (см. выше, с. 64).

В западнославянском старые подвижные формы перешли в а.п. *a* (как и во всех прочих случаях, формы с краткостными корнями не дают оснований для реконструкции их былой акцентной парадигмы). Слово **ber̄te* имеет устойчивую восточнославянскую а.п. *a* (см. выше, с. 65). Ударение русск. диал. *berémo* в ЭССЯ 1.19 ошибочно: в источнике, откуда взята эта форма (СРНГ 2.254), приводится *berémo*, ср. еще белор. *berémo* (Носович 25). Однако словенское окситонированное *bréme* (род.л. *breména*), а также реликтовая (?) с.-х. форма на *-bje-* *brémenje* (РСА II.148) – ср. *známenje* (RHJ II. 850), видимо, говорит о вторичности восточнославянской а.п. *a* (или, во всяком случае, о существовании в праславянском вариантов этого слова с а.п. *a* и *c*). Регулярное соответствие западнославянской баритонезы и словенской окситонезы также указывает на праславянскую подвижность данного образования (**bér̄te*), что согласуется и с акцентуационным классом соответствующего глагольного корня, см. ниже, с. 70. Материал по подвижным образованиям на *-men-* приводится ниже:

Праславянский	Восточнославянский	Словенский	Сербский (штокав.)	Западнославянский
*str̪em̄e,	*str̪em̄e,	stréme(<i>n</i>),	str̪emēn	(*strem̄e)
*str̪men-	*str̪men-	streména	st̪mēn	
*str̪bmen-	*str̪bmen-		sl̄jēme	*sēlme
*sēlme		sléme, slémena // sléme, sleména	sléme, slémēna // sléme, sleména	
*vēr̄(t)m̄e	*vēt̪m̄e	vréme, *vrémena // vréme, vreména	vr̄j̄eme (чак vr̄ime)	
*str̪um̄e,	*str̪umen-	strúmen, struména		*str̪umen-, *str̪um̄e
*str̪ulen-				
*pōlme,	*pōlm̄e	*plámen, plámna // pláme(<i>n</i>), plaména	pl̄amēn	*pōlmen-, *pōlme
*pōlmen-				
*j̄m̄e	*j̄m̄e	īm̄e, im̄ena	īme	(*j̄m̄e)
*bēt̪e(?)	/*bér̄te(?)	bréme, breména	br̄eme	*bēt̪e

Из реконструируемых выше образований на **men-* нас особенно интересуют отлагольные **pōt̪men-*, **sēt̪e*, **pism̄e*, **vēr̄(t)m̄e*, **str̪men-*, **pōlmen-*, **bēt̪e(?)*. Акцентные парадигмы этих основ опреде-

Окситонированные инфинитивы

*pēti (ср. с.-х. *nēti*) – слвц. *piat³* (Kálal 456) при вторичном *pāt⁹* (ib.); *jēti (ср. с.-х. *sn-ēti*) – слвц. *vziat⁹* (Kálal 817, SSJ V. 347) при вторичном *vzat⁹* (Kálal 817); *tēti (ср. *mēti* у Ю. Крижанича (Граммат. 215) – слвц. *tit⁹* (Kálal 714) при вторичном *t'at⁹* (SSJ IV. 496; Kálal 709); *kłęti (ср. с.-х. *kléti*) – слвц. *kliat⁹* (Kálal 241, SSJ I. 701) при вторичном *klát⁹* (Kálal 240).

Баритонированные инфинитивы

*mēti (ср. русск. диал. исключительно *мать*, *máti* при встречающихся *взять*, *начату*) – слвц. *mäť* (SSJ II. 118); *żęti (ср. с.-х. *żęti*) – слвц. *żat⁹* (SSJ V. 788; Kálal 896).

Регулярно краткость появляется в слвц. *klat⁹* (SSJ I. 697; Kálal 239), ср. с.-х. *klätti* (слав. *kōlti) и в слвц. *brat⁹* (Kálal 37) ‘злить’, ‘сердить’, ср. русск. *бороть* (слав. *bōrti неподвижной а.п., ср. лтш. *bar̄t*).

Напротив, слвц. *plát⁹* ‘гореть’ и *pliet⁹* ‘полоть’ могут восходить только к окситонированным слав. *polti и **pel(v)ti*. Русск. *полоть* ‘опаливать’ и ‘полоть’ и слвн. *plát⁹* ‘brennen’, также могут регулярно восходить к *polti (а в русском и к **pel(v)ti*: в русском через промежуточную стадию *полоти, а в словенском противопоставление старых окситонированных и баритонированных инфинитивов утратилось – все они стали баритонированными). Если индоевропейская праформа славянского корня *polti ‘жечь/гореть’ была «двусложной» (**pol-* либо **pal-*), как и у фактически всех других балто-славянских корней на -el, -ol, -or (*bōrti, *pólti, *kōlti, *mélti, лит. *bárti*, *kálti*, *málti*), то инфинитив *polti < **poləti-* мог быть образован только от рецессивного глагольного корня (ср. *pōlti ‘махать, веять’ < **polati-* от доминантного корня). Рецессивность славянского корня подтверждается еще двумя фактами. Видимо, а.п. с отражает аблautный вариант этого глагола у Ю. Крижанича (Граммат. 201): *Пальем*, *Пльем* – значение подтверждается приводимым в этом же гнезде *пилájet плáмен* (ср. отражение а.п. b в *Шальем*, *Шльем* – Граммат. 201). Не исключено, что *пльем/пальем* у Крижанича (восходящее к славянской подвижной парадигме *pūljq, *pūjete) и неподвижное слав. *poljq, отраженное в русском и словенском, а также входящий в подвижную акцентную парадигму инфинитив *polti являются остатками пары *poliq (а.п. b с незасвидетельствованным инфинитивом *pūlāti – на него указывает

ляются акцентуационным классом корня. Образования на -*men-* неподвижной а.п. (a или b) образованы от доминантных корней: **rōg-men-* – слав. *porjō, *porjete; *sēmē – слав. *sējō, *sējete, лтш. *sēt*; *pismē – слав. *pisjō, *pisjete, *pbsāla.

Слова на *-*men-* подвижной а.п. образованы от рецессивных корней: *bētē* – слав. *bērjō, *beretē (подвижная а.п.)¹⁶, ср. также греч. *φερε-*, др.-инд. *bhar-* II кл.; **strūmen-* – ср. греч. корень *στρέμε-* II кл.

Подвижная а.п. образования **vēr(t)mē* соотносится с а.п. с слабо засвидетельствованного глагола *vērjō, *vērtejē, например, русск. диал. гдов. *вертёца* (ПОС 3.97) и -ē/-i- глагола *vērjtjo, *vērjtite – ср. однако, возможный реликт а.п. b в русск. *вертёто*, *верчу*, *вёртишь* и лат. несигматический перфект *vertī*, говорящий об индоевропейской акцентуационной доминантности данного корня.

Корень основы **pōlmēn-* содержится в глаголе *polti, *poljō, у которого на основании слвн. *pláti*, *póljem* ‘brennen’, русск. диал. (д. Дубровки Селижаровского р-на Калининской обл., запись автора) *пал'ú*, *пól'esh*, инфин. *палótm* ‘опаливать (свинью, курицу)’¹⁷, может быть восстановлена а.п. b/a. Однако не исключена и вторичная контаминация этого глагола с *polti, *poljō ‘махать, приводить в движение, веять’ (слвн. также *pláti*, *póljem*), а в русском еще и с *полόть* ‘выпальывать сорняки’ – рефлекса слав. **pel(v)ti* ‘полоть’. В д. Дубровки засвидетельствованы все три омонимичные в данном говоре глаголы: *палótm* (*пал'ú*, *пól'esh*) 1. ‘полоть (сорняки)’; 2. ‘веять, трясти’, в том числе в обрядовом *палом* – снек (Страхов–Страхова 136 – запись М.И. Серебряной в д. Дубровки); 3. ‘опаливать’. Глагол *polti ‘гореть, жечь’ отражен также в чеш. *pláti* с морфологически перестроенным презенсом (*plám*, *plajú* SSJ III. 82), ср. подобные нефонетические новообразования в чеш. *plítí*, *plíji*, слвц. *pliet⁹*, *plejú* (субституция слав. **pel(v)ti*, **pelv(j)q*), слвц. *kliat⁹*, 3-е л. мн.ч. *kliajú* (ср. слав. *kłōnq, *kłęti), чеш. *kláti*, *klám* (ср. слав. *kōlti, *koljō) и т.д. Возникает вопрос о праславянском месте ударения в инфинитиве *polti ‘жечь, гореть’.

Словацкий язык в отличие от чешского в опосредованном виде сохраняет различие между старыми баритонированными и окситонированными инфинитивами глаголов с корнями на сонант. Окситонеза отражается в виде долготы корневого гласного или ее закономерного рефлекса (хотя почти во всех случаях – в диалектах и в литературном языке – имеются параллельные инфинитивы с рефлексом краткости).

итератив *pylati, что было предположено В.А.Дыбо в беседе с автором данной статьи) : **p̥l̥j̥* (а.л.с – с инфинитивом *polti, откуда итератив *palāti), аналогичной *metāti, **metj̥* (а.л.б) : *mesti, **mēt̥* (а.л.с) и т.п. В таком случае а.л. б русск.диал. *pal'y*, *pōl'esh*, слвн. *pōl'jem*, равно как а.л. с *палъем* у Крижанича регулярны, и вторичной должна быть признана а.л. б в глаголе на -*a*-/-*je*- (см. об «иммобилизации» акцента в *j*-презенсах: Дыбо СА 259).

Вторым фактом, говорящем о рецессивности корня глагола *polti, является а.л. б итератива **palj̥*, *palite,ср. слвн. *páli*, *pálím*, чеш. *páli*, ст.-хорв. (Крижанич) *Пáлим* и т.д. А.л. б этого глагола указывает на балто-славянский циркумфлекс долгого корневого -*ā*-, т.е. о произошедшей здесь метатонии акут > циркумфлекс, которая бывает только в рецессивных морфемах перед доминантными, см. ниже, с.75–97, итеративное -*i*- относится к доминантным морфемам^{17а}.

Таким образом, образование **rōlm̥e*/**rōlm̥en-* (а.л.с) имеет ту же акцентную парадигму, что и производящий глагол, и является акцентологически регулярным.

Итак, славянские прикорневые суффиксы девербативов -*me* (- **men-*) (ср. р.) и -*m̥y* (- **men-*) (м.р.), образования с которыми выбирали акцентную парадигму в зависимости от акцентуационного класса глагольного корня, являются рецессивными, и следовательно, морфонологически регулярно соответствуют греко-арийскому суффиксу -*men-* (м. и ср. р.), относящемуся ко II классу. Такое же соответствие – балто-славянский рецессивный суффикс: греко-арийский суффикс II класса – мы наблюдали, исследуя морфонологические характеристики суффикса -*ti*- . Напротив, балто-славянские доминантные суффиксы соответствуют греко-арийским суффиксам I класса (см. выше, с.46-56).

Из балто-славянских образований, входящих в глагольную словоизменительную парадигму, морфонологически регулярно соответствуют греко-арийским суффиксам -*to*-/-*ta*- (пассивные причастия, в греко-арийском – причастия/отглагольные прилагательные) и -*ti*- (балто-славянский супин, в греко-арийском – именные девербативы и супин). Морфонологически рецессивными являются также славянский аористный -*ø*- (корневого и дентального аориста) и -*e/o*- (тематического аориста). Соответствующие греко-арийские суффиксы принадлежат ко II классу¹⁸.

В табл. 2 приводится славянский материал, показывающий разделение славянских образований на -*to* (супин), -*to*-/-*ta*- (страдательные причастия) и -*ø*- (корневого и дентального аориста) на два

акцентуационных типа в зависимости от класса корня (реконструкции даются по Дыбо СА 213–14).

Таблица 2

	Супин	Страдательное причастие	Аорист (корневой и дентальный)
Доминантные корни	* <i>z̥et̥</i> * <i>t̥ert̥</i> * <i>bit̥</i> * <i>m̥yt̥</i>	* <i>z̥et̥</i> , * <i>z̥eta</i> — — —	* <i>z̥e</i> * <i>t̥or</i> * <i>bi</i> * <i>m̥y</i>
Рецессивные корни	* <i>st̥ert̥</i> * <i>m̥ert̥</i> * <i>p̥et̥</i> * <i>v̥it̥</i> * <i>s̥lit̥</i>	* <i>st̥ort̥</i> , * <i>st̥orta</i> — * <i>p̥et̥</i> , * <i>p̥eta</i> * <i>v̥it̥</i> , * <i>vita</i> ** <i>s̥lyt̥</i> , * <i>slyta</i>	* <i>st̥er-t̥</i> * <i>m̥er-t̥</i> * <i>p̥er-t̥</i> * <i>v̥i-t̥</i> * <i>s̥lū</i>

Акцентуационное различие в славянском тематическом аористе, видно из противопоставления **j̥de* (от неподвижного **j̥d̥*), *može (ср. **mog̥* а.л. б), *páde* (ср. **pád̥* а.л. а) аористам от подвижных глаголов: *reče (ср. **rēk̥* а.п. с), *nēse (ср. **nēs̥* а.п. с), *grýze (ср. **grýz̥* ф.п. с) и т.п. (см. Дыбо СА 252–253).

* * *

Проведенное исследование показало, что анализировавшиеся выше балто-славянские прикорневые суффиксы, подобно прочим морфемам, распределяются по двум акцентуационно-морфонологическим классам, т.е. бывают доминантными или рецессивными. Балто-славянские прикорневые доминантные суффиксы генетически тождественны греко-арийским суффиксам I класса, а рецессивные – греко-арийским суффиксам II класса. Таким образом, балто-славянское деление морфем на два класса имеет генетическое соответствие в греко-арийском не только среди корневых, но и среди суффиксальных морфем.

Сравнение наиболее продуктивных балто-славянских и греко-арийских прикорневых суффиксов показало, что в пражзык может проецироваться различие между двумя классами суффиксов. Основа-

ний для выделения большего количества классов нам не дает ни греко-арийская, ни балто-славянская акцентуационно-морфонологическая система. Бинарность противопоставления классов суффиксов идентична бинарности противопоставления двух классов глагольных корней, проходящему через все индоевропейские языки (см. Николаев—Старостин).

В греко-арийском в сочетаниях с суффиксами I класса корни-*seːt* обоих классов ведут себя одинаково, тогда как в сочетаниях с суффиксами II класса — по-разному. Различное поведение корней, выражющееся в удлинении ауслаутного «шва» (корни II кл.) и в отсутствии такого удлинения (корни I кл.) не может возводиться непосредственно к индоевропейской эпохе и должно считаться собственно греко-арийским явлением (сходные модификации корней-*seːt* в кельто-италийском происходят, по всей видимости, в несколько иных морфонологических позициях). Удлинение конечного «шва» не может объясняться как возникшее под ударением или в безударной позиции: постановка иктуса в греко-арийских словоформах прямо зависит от наличия и последовательности морфем различных классов в последней, но объяснить местом ударения фонетические модификации корня не представляется возможным.

Остается предположить, что четырем возможным видам двухморфемных сочетаний корней с прикорневыми суффиксами (как корни, так и суффиксы могут быть I либо II класса) были свойственны различные просодические характеристики, рефлексами которых являются словоформы с различным местом ударения и с определенными модификациями вокальных компонентов корней. Если в балто-славянском мы и можем до некоторого времени обходиться тем, что доминантные морфемы — это морфемы ударные (ортотонические), а рецессивные — безударные, то подобная интерпретация различия между греко-арийскими морфемами I и II класса просто немыслима.

В следующей части работы будет показано, что в балто-славянском в определенных сочетаниях морфем различных классов в одной из них происходит изменение интонации (метатония), что непосредственно подводит нас к выводу об индоевропейской фонетической реальности того, что скрывается у нас под абстрактными морфонологическими понятиями «доминантность» и «рекессивность».

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СУФФИКОВ И БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ МЕТАТОНИЯ

Литовская (отчасти имеющая балто-славянское происхождение) метатония, в результате которой появилось чередование акутой интонации с циркумфлексовой, могла вызываться различными причинами¹⁹. Если метатония циркумфлекс > акут представляет собой достаточно редкое явление и в большинстве случаев связана с индоевропейскими и балто-славянским удлинением корневого гласного (аблаутной ступенью *ugd̥dhi*), то метатония акут > циркумфлекс охватывает целые классы основ и, по-видимому, не связана с аблautом. Она должна быть объяснена в первую очередь.

С одним из случаев метатонии акут > циркумфлекс в именах с основами на *-i-* и *-i-* подвижной акцентной парадигмы мы уже встречались (см. выше, с. 59–61). Здесь метатония легко объясняется аналогичным выравниванием. Видимо, аналогичного происхождения (связанная с переходом слов из а.л. 3 в а.л. 4) метатония в таких основах на *-ā-*, как *gēlā* 4, *laidā* 4, *sodā* и т.п.,ср. *augā* 3/4, *duobā* 3/4, *káina* 1/*kainā* 4 и др., хотя в некоторых случаях не исключено и влияние метатонированных основ на *-ē* (*-jē-*).

Другими образованиями, где обнаруживается метатония акут > циркумфлекс, являются основы на *-is* (*-ja-*) и *-ē* (*-jē-*). Метатония в деревативах, образованных этими суффиксами, регулярна, причем формы на *-ja-* и *-jē-* могут иметь как подвижную (а.л. 4), так и неподвижную (а.л. 2) акцентную парадигму.

Можно показать, что акцентная парадигма образований на *-ē* (*-jē-*) непосредственно зависит от акцентуационного класса глагольного корня, а именно: основы подвижной акцентной парадигмы образуются от рецессивных, а основы неподвижной акцентной парадигмы — от доминантных корней. Таким образом, *-ē* (*-jē-*) относится к классу рецессивных суффиксов.

Образования от рецессивных корней

šlovē 4 (LRKŽ 644, Šlap. 514, KLD 434), видимо, вторично *šlovē* 3 (DLKŽ 817) —ср. слав. *slōvq, *slovete; *brydē* 4 (DLKŽ 90, LRKŽ 106, Jušk. I (1).235) — слав. *brēdq, *bredete; *pynē* 4 (DLKŽ 585, SkŽD 71, LRKŽ 474, Šlap. 350, KLD 312) — лтш. *pīt*, слав. *pōnq, *pōnete; *zolē* 4 (SkŽD 72, LRKŽ 736, DLKŽ 982, Šlap. 605, KLD 527) — лтш. *zēlt*; *džiovē* 4 (SkŽD 71) — лтш. *žauč*; *volē* 4 (DLKŽ 72, LRKŽ 591,

SkŽD 725, KLD 511) – лтш. *vel̄t*, слав. *caus. *vâljo, *valie¹, velkē²* 4 (DLKŽ 927, LRKŽ 712, SkŽD 72, Šlap. 575, KLD 495; однако имеется диал. *velkē* 2 – SkŽD 72) – слав. **vôlkø, *vôlčete¹*.

Образования от доминантных корней

Как и в прочих основах, наблюдается продуктивная тенденция к переводу неподвижных основ на *-é(-jé-)* в подвижные: *kûlē* 2 (DLKŽ 389, Šlap. 196) при вторичном *kûlē* 4 (DLKŽ 389, LRKŽ 297, Šlap. 196, KLD 208) – сп. лтш. *kûl̄*, аблautный вариант *kałt*, слав. **kolijō, *kol-jete, mólē* 2 (SkŽD 473, LRKŽ 337, SkŽD 71, Šlap. 235) при вторичном *mólē* 4 (SkŽD, 71) – лтш. *mâłt*, слав. **melijō, *meljete*; диал. *séjē* *2 (Otr. Gram. II. 47) – лтш. *séłt*, слав. **séjø ‘сеять’; bêgē* 2 (DLKŽ 71, SkŽD 71) – слав. аог. **bêgø, *bêže* (с.х. *pòbjęze* и т.д.), вторична прерывистая интонация в лтш. *bêgt; mýnē* 2 (SkŽD 71, Šlap. 234) при вторичном *mýnē* 4 (DLKŽ 466, LRKŽ 333) – лтш. *mít*, слав. **mýnø, *mýnête; mén̄tē* 2 (KLD 250, SkŽD 71) при, видимо, вторичном *mén̄tē* 4 (DLKŽ 456, SkŽD 71, LRKŽ 329, Šlap. 226) – слав. **mén̄tø, *mén̄tetø*, вероятно, вторичной подвижной а.л. (Николаев-Старостин 322, 325, 328). Вторична а.л. 4 у *trynē* 4 (DLKŽ 871, SkŽD 72, LRKŽ 670) – сп. лтш. *triłt*, а также бессуффиксальное слав. **trýgø, *trýrete¹*.

Регулярной является метатония акут > циркумфлекс также и у deverбативов на *-is (-ja-)*:

Образования неподвижной а.л.

ałkis (ср. *álkti*, слав. **álčjø*, но лтш. *ałkt*); *bégis* (ср. *bégti*, лтш. *bêgt*, но слав. аог. **bêgø*); *bliūvis* (ср. *bliáuti*, лтш. *błaułt*, слав. **bljújø ‘bleять’*); *liūvis* (ср. *liáuti*, лтш. *ļaułt*); *lúžis* (ср. *láužti*, лтш. *laūzt*); *mójis* (ср. *móti*, лтш. *mât*, слав. **mâjø*); *piūvis* (ср. *piáuti*, лтш. *płaułt*); *šókis* (ср. *šókti*, лтш. *sâkt*, но слав. **skačjø*); **šūvis* (ср. *šáui*, лтш. *šaūt*, слав. **sújø*); *gérvis* (ср. *gérhti*, лтш. *dzerłt*, слав. **żërgø*).

Образования подвижной а.л.

glébys (ср. *glébtı*, лтш. *glêbt*); *nér̄ys* (ср. *nér̄ti*, лтш. *nér̄t*); *pléšys* (ср. *pléšti*, лтш. *plêst*); *gyl̄ys* (ср. *gélti*, лтш. *dzelłt*); *žyn̄ys* (ср. *pažinti*, лтш. *pažít*); *sédys* (ср. *séstı*, лтш. *sêst*, но слав. **séđø*) и т.д.

Даже если исключить те случаи, когда корень в данных образованиях оканчивается на шумный, и вторичными могут оказаться прерывистая интонация в латышском и неподвижная акцентная парадигма

славянских презенсов на *-je-* (см. выше случаи противоречия латышских и славянских а.л.), очевидно, что зависимости выбора основами на *-i-s(-ja-)* акцентной парадигмы от акцентуационного класса корня в современном литовском не существует. Возможно, первоначально ситуация была аналогична той, которую мы обнаруживаем у производных на *-è(-jé-)* (т.е. суффикс *-i-s (-ja-)* был рецессивным, и образования с ним выбирали свою акцентную парадигму в зависимости от класса глагольного корня), в дальнейшем же жесткая система выбора акцентной парадигмы исчезла и акцентуация форм на *-i-s (-ja-)* стала в большой мере произвольной.

Причина появления метатонии в образованиях на *-jé-* и *-ja-* неясна – во всяком случае, вряд ли ее можно, вслед за Хр. Стангом, объяснить как след ретракции ударения с суффикса (Stang VG 146–149); ведь по крайней мере в основах на *-jé-* и *-ja-* а.л. 2, образованных от доминантных корней, иктус должен был находиться на корневом гласном (в начале первой последовательности морфем высшей валентности, согласно правилу Дыбо). Объяснение происхождения этого типа метатонии, возникающего в образованиях с рецессивными суффиксами и связанного, кроме того, с особым видом корневого аблautа (редуцированная продленная ступень таутосиллабических дифтонгов, продленная полная ступень широких гласных), выходит за рамки настоящего исследования.

Ниже будут рассмотрены случаи, когда метатония акут > циркумфлекс зависит от акцентуационного класса корня.

Среди литовских образований с суффиксами *-tă-* (существительных) и *-klă-* выделяется специфическая группа, которая характеризуется метатонией: именно в таких производных от корней с акутированными гласными и дифтонгами появляется циркумфлекс. Можно привести следующие примеры: *déklas* (ср. *déti*), *džiaūtas* (ср. *džiáuti*), *klōtas* (ср. *klóti*), но *piūklas* (ср. *piúti*), *káltas* (ср. *kálti*), *sékla* (ср. *séti*) и другие формы без метатонии. Подобным же образом распределяются производные от акутированных корней, образованные с помощью суффикса *-sta-*: *klōstas* (ср. *klóti*), *pa-grébstai* (ср. *grébtı*), *lam̄stas* (ср. *lém̄ti*) и, с другой стороны, *bústas* (ср. *búti*), *dáigstas* (ср. *diegtı*) и т.д.

Все эти суффиксы (*-tă-*, *-klă-* и *-sta-*) относятся к акцентуационно доминантным: образования с ними от рецессивных корней всегда имеют неподвижную акцентную парадигму. Доказательство исконной

неподвижности основ на *-tā-* и *-klā-* приведено на с 47-56, а единообразная неподвижная акцентная парадигма форм на *-sta-* будет видна из приводимого ниже материала. Связь метатонии акут > циркумфлекс с неподвижной акцентной парадигмой в литовском уже отмечалась (см., например, Stang VG 154, где «закономерная» метатония прямо связывается со 2-й а л.). Предположение В. А. Дыбо о том, что «балто-славянская метатония, кроме интонации (акут > циркумфлекс), приводила к переходу из I класса (рецессивного – *C H.*) во II (доминантный – *C H.*)» (Дыбо СА 259), вполне подводит нас к выводам, изложенным ниже в настоящей статье.

Изучение акцентуации образований на *-tā-*, *-klā-* и *-sta-* приводит к выводу, что формы с метатонией (т. е. с циркумфлексом корневого гласного вместо акута) регулярно образовывались от рецессивных корней. Напротив, акут регулярно сохранялся в производных от доминантных корней, и лишь вторично появлялся в образованиях от корней рецессивных (чаще всего по аналогии с другими формами парадигмы).

1. Формы с метатонией

Образования на *-ta-s*

džiaūtas (SkŽD 320) – лтш. *žaūt*; *plaūstas* (Šlap. 352), вторично *pláustas* (DLKŽ 593, LRKŽ 478, SkŽD 321) – лтш. *plaūst²⁰*; *dōtas* (SkŽD 320) – лтш. *duōt*, слав. *dājōq, *dajete; *graūžtas* (DLKŽ 226, LRKŽ 165) – лтш. *graūzt²⁰*, слав. *grýzq, *gryzete; *ap-maūtas* (DLKŽ 28, LRKŽ 45), *pa-maūtas* (DLKŽ 538, LRKŽ 410, Šlap. 302, SkŽD 321) – лтш. *maūt*; *spraūstas* (LRKŽ 580) – лтш. *spraūst²⁰*; *stōtas* (DLKŽ 771, LRKŽ 586, SkŽD 321) – лтш. *stāt*; слав. *stājōq, *stajete; *sōstas* (SkŽD 321) при вторичном *sóstas* (SkŽD 325, KLD 395, DLKŽ 751, LRKŽ 577) и регулярное *pa-sēstas* (DLKŽ 549, LRKŽ 424) – лтш. *sēst²⁰*, слав. *sēdjōq, *sēditē, caus. *sādjōq, *saditē; диал. *nū-dētas* (Būga 392), лтш. *dēt*, слав. *dējōq, *dējete; *kliūtas* (Jušk. II. 167) – лтш. *kļaūt* (но *kļūt*, см. также выше, с. 59); *nařtas* (SkŽD 322) – слав. *nōrōq, *nōretē (пеконструкция а л. ненадежна); *plaūtas* (DLKŽ 593, LRKŽ 473, Šlap. 352, SkŽD 322) – слав. *plōvōq, *plovevē.

Нерегулярные (с точки зрения внешнего сравнения) случаи: *spētas* (DLKŽ 754, LRKŽ 579, KLD 397, SkŽD 321, Šlap. 458) – лтш. *spēt*, слав. *spējōq, *spējete; *guōtas* (LRKŽ) при регулярном (?) *gúotas* (DLKŽ 241, KLD 142) – лтш. *gūt*; *skiřtas* (Šlap. 443, DLKŽ 730) – лтш. *škiřt*. В случае с *guōtas* мы имеем, возможно, ошибочно приведенную

интонацию либо идиолектную аберрацию. В случае со *spētas* и *skiřtas* можно предположить «пражитовский» переход данных глаголов в подвижную акцентную парадигму.

Образования на *-sta-s*

klōstas 2 (DLKŽ 354, LRKŽ 284, вторичная ал. 4 – Jušk. II 169) – лтш. *klāt*, слав. *klādōq, *kladetē; *pa-grēbstai* 2 (DLKŽ 528, LRKŽ 398, SkŽD 324, но вторично *pa-grēbstai* Šlap. 292) – слав. *grēbōq, *grebetē, *lāmstas* 2 (Šlap. 203, DlkŽ 407, LRKŽ 305, KLD 220) – слав. caus. *lōmōjōq, *lomite (болг. *ломъ*, русск. вост. *ломлю(съ)*, *ломит(сл)*), лтш. *lemt* (M.-E. XVI. 450), *lemt²* (ibid.), непереходная пара *limt²* (ibid. 540). Видимо, уже в балто-славянскую эпоху существовал доминантный вариант этого корня,ср. лит. *lámstai* (SkŽD 324), лтш. *lemt* (M.-E. XXVI. 450), *līmt* (ibid. 540), слав. caus. *lomjōq, *lomite (русск. зап. *лόмит*, слвн. *lōmiti*, *lómim*); *mōstas* 2 (DLKŽ 476, LRKŽ 338, Šlap. 236) – лтш. *māt*. слав. *mājōq, *majete; *aūkštas* 2 (DLKŽ 54, LRKŽ 88, Šlap. 28) – лтш. *aūgt²¹*; *ap-kausta* 3b (DLKŽ 26, LRKŽ 42) – лтш. *kaūt*, слав. *kōvōq, *kovetē; в этом примере нерегулярна акцентная парадигма (ожидалась бы а л. 2); *šluōstas* 2 (DLKŽ 818), при вторичном *šluostas* (LRKŽ 644) – лтш. *sluōt*.

Нерегулярны случаи: *nařstas* (SkŽD 324) – лтш. *neřt*; *kařstas* 2 (DLKŽ 305 с пометой «жемайтское») – лтш. *kařt*, слав. *koljōq, *koljete. В обоих случаях мы имеем дело с диалектными фэрмами, а история развития акцентационных систем данных говоров нам неизвестна.

Образования на *-kla-s*

pa-dēklas 2 (DLKŽ 524, LRKŽ 392, SkŽD 193, вторично *pa-būklas* 1 Šlap. 288) – лтш. *būt*, слав. ptc. *býlōq, *bylá, sup. *býtōz; *dēklas* 2 (DLKŽ 121, LRKŽ 121), *pa-dēklas* 2 (DLKŽ 525, LRKŽ 394, SkŽD 193, Šlap. 288), *i-dēklas* 2 (LRKŽ 175) – лтш. *dēt*, слав. *dējōq, *dējete; *tānklas* 2 (SkŽD 193, DlkŽ 858, KLD 458, LRKŽ 664, Šlap. 333) – лтш. *tīt*.

Оба исключения, как и в предыдущем случае, засвидетельствованы лишь в одном из источников: *pa-neřklas* 2 (DLKŽ 540) – лтш. *neřt*; *iřklas* (SkŽD 193) при регулярном *iřklas* (ibid.), а также DlkŽ 265, LRKŽ 191, Jušk. I (2). 536) – лтш. *iřt*.

Формы с сохранением акута

Образования на *-ta-s*.

Следующие формы образованы от доминантных корней: *káltas* (DLKŽ 305, LRKŽ 263, Šlap. 143, SkŽD 320, KLD 164) – лтш. *kałt̪*, слав. *koljǫ, *koljéte; *síetas* (DLKŽ 715, LRKŽ 561, Šlap. 434, KLD 373) – слав. *séjǫ, *séjete ‘просеивать’; *búrtas* (DLKŽ 97, LRKŽ 109, KLD 65, SkŽD 320, Šlap. 37) – лтш. *buñt̪*; *miltai* (DLKŽ 465, LRKŽ 333, Šlap. 231, KLD 56) – лтш. *małt̪*, слав. *meljǫ, *meljéte; *rúožtas* (DLKŽ 687, Šlap. 417, SkŽD 321, KLD 363) и *réžtas* (DLKŽ 672, Šlap. 410) – сп. слав. *rézjǫ (однако здесь неподвижная а.п. в славянском может быть вторичной); *gniáužtas* (DLKŽ 221, LRKŽ 163, SkŽD 320, Šlap. 76) – лтш. *gnáuzt̪*; *váistas* (LRKŽ 702, DLKŽ 908, Šlap. 566, SkŽD 325 – циркумфлекс в *vaist̪as* KLD 483 был сомнителен для самого Ф. Куршата) – слав. **védt̪i*; *víltas* (SkŽD 322) – лтш. *vílt̪*.

Следующие формы образованы от балто-славянских рецессивных корней, возможно, что в «пралиотовском» эти корни были морфонологически доминантными: *kéltas* (DLKŽ 328, LRKŽ 273, SkŽD 320, Jušk. II. 73, Šlap. 157) – лтш. *cełt̪*; *tvártas* (DLKŽ 882, LRKŽ 676, Šlap. 545, KLD 472, SkŽD 321) – лтш. *tveñt̪*; *sráigtas* (DLKŽ 760, LRKŽ 582, Šlap. 462) – слав. *strígq, **strížet̪e* относительно возможной вторичной славянской подвижной а.п. в данном случае см. Николаев–Старостин 322, 325.

Образования на *-kla-s*

Следующие формы образованы от доминантных корней: *žénklas* (DLKŽ 970, LRKŽ 731, Šlap. 597, SkŽD 193, KLD 519) – лтш. *ra-zíñt̪*; *dúrklas* (DLKŽ 161, LRKŽ 135, Šlap. 57) – лтш. *duñt̪*; *ra-véikslas* (< *-véi(z)d-kla-) (DLKŽ 563, LRKŽ 450, KLD 300, Šlap. 332, SkŽD 193) – слав. *viñdq, *viñdite, сп. еще греч. *(ε)Fειδε· I класса: *piúkclas* (DLKŽ 589, LRKŽ 477, Šlap. 249) – лтш. *płauñt̪*.

От рецессивного корня образовано *árklas* (DLKŽ 34, LRKŽ 61, Jušk. I(1). 107, SkŽD 193, KLD 21, Šlap. 13) – лтш. *añt̪*, слав. *ðrjǫ, **orjet̪e*. Отсутствие метатонии в данном образовании древнее, сп. слав. *órdlo (комментарий к последней форме см. ниже, с 88).

Образования на *-sta-s*

Среди немногих форм с корневым акутом определенно от доминантного корня образовано *žióstas* 1 (SkŽD 324) – слав. *zéjǫ,

*zbjala. От рецессивного корня образовано производное *bústas* 1 (DLKŽ 98, LRKŽ 109, Šlap. 37) – сп. лтш. *bût̪*, слав. прич. **býl̄z*, *bylā, sup. **bût̄z*.

Подобно приведенным выше образованиям мужского рода на *-ta-s*, *-sta-s* и *-kla-s* распределяются и немногочисленные формы женского рода на *-ta* и *-kla*. Большинство форм с метатонией имеют в таких случаях вторичную подвижную акцентную парадигму (а.п. 4) вместо старой неподвижной (а.п. 2) – см. об этом выше, с. 49–50.

Образования на *-ta*

Формы с метатонией

klotà (Jušk. II. 170) – лтш. *kláž*, слав. *kládø, **kladet̪e*; *puotà* (Šlap. 384, DLKŽ 638, LRKŽ 527) – слав. *píjø, **píjet̪e* (и.-е. корень **pōj-*).

Формы без метатонии

От доминантных корней: *júosta* (DLKŽ 294, LRKŽ 258, Šlap. 136, SkŽD 323, KLD 159) – слав. *-*jášjø*, *-*jášjete* и лтш. *juôzt* (неясно, первична ли здесь славянская неподвижность или латышская прерывистая интонация); *gniáužta* (DLKŽ 221, Šlap. 76, SkŽD 323) – лтш. *gnáuzt̪*.

От рецессивных (возможно, вторично ставших в «пралиотовском» доминантными) корней: *kélta* (Šlap. 157, SkŽD 323) – лтш. *cełt̪*; *šlúota* (DLKŽ 818, LRKŽ 644, KLD 434, Šlap. 515) – лтш. *sluôt̪*; *stúrta* (DLKŽ 770, LRKŽ 589) – слав. *stúrø (прабалтийский акут подтверждает и лтш. *stíñta*); *sósta* (SkŽD 325) – слав. *sádjø, **sadit̪e*, лтш. *sést̪*, но слав. *séðø (а.п. a).

Образования на *-kla*

Единственная форма с метатонией образована от рецессивного корня: *búkla* (KLD 62) – лтш. *bût̪*, слав. ptc. **býl̄z*, *bylā.

Форма без метатонии от доминантного корня: *sékla* (DLKŽ 706, LRKŽ 557, Šlap. 433, SkŽD 195) – лтш. *séł*, слав. *zéjø, *zéjete ‘сеять’.

От рецессивного корня образовано *gérklos* (DLKŽ 208, LRKŽ 157, SkŽD 195) – лтш. *dzeñt̪*, слав. *žérgø, **žeret̪e*. Здесь, как и в случае с *árklas*, отсутствие метатонии балто-славянское: сп. слав. *górdlo (однако сп. слав. *žerdlo, *žbrdlo).

В латышском языке сохранилось мало форм с рассматриваемыми суффиксами, имеющими рефлекс метатонии. Все эти образо-

вания имеют рецессивные корни: *tūkls* – лтш. *tūt*, сп. лит. *añklas*; *grāusts* – лтш. *graūt*; *āukla* – лтш. *ādu*, *āst*; *dēsts* – лтш. *dēt*, слав. *dējø, *dējetē; *lūmsti* – лтш. диал. *lemt/limt* (см. выше, с.79).

Метатония акут > циркумфлекс наблюдается также и в славянских образованиях на *-dlo* от корней на долгий гласный и сонанты. Здесь она проявляется в том, что формы на *-dlo* от рецессивных корней с акутом имеют окситонированную акцентную парадигму (*b*) вместо ожидаемой баритонированной (*a*).

Как было показано на с.55-56, этот праславянский суффикс, так же как и балт. *-klā-*, являлся доминантным, и поэтому все образования с ним имели неподвижную акцентную парадигму. В корнях форм **stadol*, **žerdlō* и им подобных изначально присутствовала акутовая интонация (ср. лит. *stōti*, *gērti*), возникающая на том монофтонге («соссюровский» акут) или в таутосиллабической последовательности **VRə-* (бещенбергеровский» акут). Слова неподвижной акцентной парадигмы с акутом в корне имеют в славянском а.л. *a*. Однако **stadol*, **žerdlō* и другие подобные им образования имеют а.л. *b*, которая бывает только у основ с краткостным или циркумфлектирувшимся корнем. Следовательно, мы должны предположить, что в данных формах произошла корневая метатония акут > циркумфлекс, что согласуется с балтийскими данными, сп. «долгий циркумфлекс» в лит. *dēklas* (при *dēti*), *-būklas* (при *būti*) и прочих формах на *-klā*, *-tā* и *-sta-* с метатонией, приведенных выше.

Начнем исследование образований на *-dlo* с анализа систем отдельных славянских подгрупп.

В сербохорватском (штокавском) языке хорошо сохранилось противопоставление *barytona* и *oxytona*: *biло*, *dūло*, *rūло*, *mīло*, *rāло*, *pīло*, *rīло*, *šīло*, диал. *prēло* – но, с другой стороны, *nāčeło/počeło*, *ođeło*, *kriło*, *rasnēło/pronēło*, *trēло*, *vrēло*, *ždrēло*, *žđrēло*. Хочется обратить внимание на тот факт, что все образования с узкими гласными (ср. еще диал. *vīло*) имеют баритонезу (единственное исключение – не имеющее порождающего глагола *kriło*).

В литературном болгарском языке большинство образований на *-dlo* интересующего нас типа имеет закономерную баритонезу (*bi-lo*, *i-rū-lo*, *rā-lo*, *rī-lo*, *žī-lo*, *vī-la*), и лишь *kri-lo*, *ždrē-lo* и *vrē-lo* (Геров) имеют окситонезу диалектного происхождения, видимо, восходящую к славянскому архетипу.

Словенский язык, насколько об этом позволяет судить фонетика форм на *-dlo* (различие старых *barytona* и *oxytona* можно обнаружить

только в образований на *-dlo* с корнями, имеющими рефлексы праслав. **e*, **ę* и **ę*), практически полностью провел в них баритонезу: *na-čēlo*, *o-dēlo*, *raz-pēlo*, *vrēlo*, *žrēlo*, *mēlo*. Два важных исключения – *žēlo* и *prēlo* с недифтонгическим *-e-*, что говорит об оттяжке иктуса с ауслаутного гласного, – не имеют в словенском производящих глаголов.

Отчетливо противопоставление *barytona* и *oxytona* (в том числе и в образованиях с корнями, содержащими узкие гласные, в отличие от сербохорватского и западнославянских) сохранили русский и украинский языки. Старые *barytona* представляют русск., укр. *biло*; *i-rū-lo*; *dūло*; *rāло*; русск. *mīло*, укр. *mīlo*; русск. *rīло*, укр. *rīlo*; укр. *šīло*; русск. диал. *šīlo*. Старые *oxytona* частично сохранились в обоих языках, частично перешли в баритонированные образования: русск. диал. *bylo*; русск. *kriło*, укр. *kriłō*; русск. диал. *perē-pelō*, укр. мн. *nīla* (от ед.ч. **nīlo*) (вторичны русск. диал. *lälo*, укр. *nīlo*); русск. *silo* (вторично диал. *cílo*); русск. диал. *žalō*, укр. *žalō* (вторичны русск., укр. *žalō*); русск. диал. **vīlo* (укр. мн. *vīla*, возможно, соответствуют утраченному ед.ч. **vīlo*); русск. диал. *žeraglo*, *žerelō*, укр. *(d)žerelō* (вторичны укр. *žerelō*, *džerelō*); русск. *žerlo*, укр. *žerelō*; русск. диал. *žilō* (вторично *žilo*).

Отчетливо противопоставлены *barytona* и *oxytona* и в западнославянских языках: **biđlo* (чеш., слвц. *bidlo*), **býđlo* (чеш., слвц. *býdlo*), **mýđlo* (чеш. *mýdlo*, слвц. *mydlo*), **gřđlo* (слвц. *hřdlo*), **ôđlo* (чеш. *ráđlo*, слвц. *radlo*, польск. диал. *radło* с рефлексом краткости); **šíđlo* (слвц. *šíđlo*, чеш. *šíđlo*), **víđla (f)* (чеш. мн. *vidle*, слвц. мн. *vidly*), **číđlo* (чеш. *číđlo*, слвц. *čídlo*). Окситонированными образованиями являются: **čēđlo* (кашуб. *čēđlo*), **kríđlo* (чеш. *kríđlo*, слвц. *kríđlo*), **pēđlo* (слвц. *piadlo*, польск. диал. *pēđlo*), **síđlo* (слвц. *o-síđlo*, чеш. диал. *síđlo*, вторична краткость в чеш. *o-síđlo*), **stāđlo* (слвц. *stáđlo*, польск. диал. *stāđlo* с рефлексом долготы); и **vērdlo* (чеш. *vříđlo*, слвц. *vriedlo*), **žēđlo* (польск. *żēđlo*, вторично словинц. *žägle*), **žēđlo* (чеш. *žēđlo*, слвц. *žiedlo*, польск. *żrēđlo*). Отметим, что в западнославянских имеется лишь два образования с окситонезой, содержащие узкий корневой гласный – **kríđlo*, **síđlo*, и оба они ни имеют славянских порождающих глаголов.

Во всех славянских подгруппах наблюдается лишь одна продуктивная тенденция перестройки акцентуации форм на *-dlo* – в сторону баритонезы. Поэтому для реконструкции старых *oxytona* ценность имеют сохранившиеся хотя бы в одном из языков окситонированные образования (или их закономерные рефлексы).

Анализ славянских форм на *-dlo* показывает, что баритонированные (а.л. *a*) формы образовывались от доминантных корней с акутом. В корневой части таких производных отсутствует метатония акут > циркумфлекс:

1. *bidlo: с.-х. *было* (PCA I. 549; RSJ I. 302); русск. *было*; укр. *было* (Гринченко I. 56); болг. *было* (РБЕ I. 59); чеш. *bido*; слвц. *bido* (SSJ I. 92). Ср. слав. *bijq, *bijete (а.л. *a*).

2. *dūdlo: с.-х. *дӯло* (PCA V. 18; RSJ II. 883 – наряду с неясным диал. *dӯло*); русск. *дӯло*; укр. *дӯло* (Гринченко I. 455). Относительно формы суффикса ср. польск. диал. *dudlo*. От *dūdlo образован глагол *dūdljq, *dūdliti (а.л. *a*): слвн. *dūliti*, *dūlim* (Plet. I. 184); русск. диал. *дӯлимъ* (Даль I. 500). Ср. слав. *dūjq, *dūjete (а.л. *a*).

3. *mýdlo: с.-х. *мыло* (RSJ VI. 677); болг. диал. *мыло* (Геров-Панчев 209); русск. *мыло*; укр. *мыло* (Гринченко II. 424); чеш. *mýdlo*; слвц. *mydlo* (SSJ II. 205; Kálal 349). Ср. слав. *mýjq, *mýjete (а.л. *a*).

4. *rýdlo: с.-х. *рыло* (RSJ XIV. 21); болг. *рило* (РБЕ III. 111), диал. *рило* (Геров-Панчев 281); русск. *рыло*; укр. *рило* (Гринченко IV. 16); чеш. *rydlo*; слвц. *rydlo* (SSJ III. 898). Ср. слав. *rýjq, *rýjete (а.л. *a*).

5. *šídlo: с.-х. *шило* (RSJ X, sv. 7. 588 – вторично диал. *šílo* ‘*šiveňe*, *šicé*’ ibid.); болг. *шило* (Геров V. 581); русск. *шило*; укр. *шило* (Гринченко IV. 494); чеш. *šído*/*šidlo*; слвц. *šído* (SSJ IV. 406). Ср. слав. *šíjq, *šíjete (а.л. *a*); лтш. *šít*.

6. *týrdlo: русск. диал. *терло* (СРГНО 535); слвц. *trdlo* (Kálal 721; SSJ IV. 565); от *týrdlo образован глагол *týrdrjq, *týrdrlti (а.л. *a*): слвн. *týliti*, *týlim (Plet. II. 693), с.-х. *трлить*, *трлым* (RSJ XVIII, sv. 77. 692). Видимо, вторична окситонеза укр. диал. *терло* (Гринченко IV. 256). Ср. слав. *týrj, *týrgéte (а.л. *a/b*); лтш. *týt*.

7. *médlo: русск. диал. *мэло* (Даль II. 376); слвн. *mélo* (Plet. I. 569); укр. *мэло* (Гринченко II. 459); от *médlo образован глагол а.л. *a* *médljq, *médliti: слвц. *mädlit* (SSJ II. 116), малопольск. (д. Терен) прош. вр. *médlíli* (Kučala 118 – при неожиданном *še móndli* в соседней д. Сидзина Гура); русск. диал. (олон.) *мэлить* (Даль II. 375), ср. еще чеш. *médlíce*, производное от *médliti. Ср. слав. *ménq, *mélá (а.л. *b/a*), лтш. *mít*.

8. *čídlo: русск. диал. *чуло* (ЭССЯ 4.128); слвц. *čidlo* (SSJ I. 224; Kálal 83); чеш. *čidlo*; с.-х. *čílo* (Skok I. 344). Ср. слав. *číjq, *číjete (а.л. *a*).

От корней с циркумфлексом формы на *-dlo* имеют праславянскую окситонезу:

1. *čēdlo: кашуб. *čēdlo* (Sychta I. 177), с.-х. *начело* (RSJ VII. 223), *nočélo* (RSJ X. 162). Вторична баритонеза, отражающаяся в слвн. *načélo* (Plet. I. 627), русск. *начало*. Ср. слав. *čónq, *čónete (а.л. *b*). Балто-славянский циркумфлекс определяется по лтш. *cítēs*², *cítēs*² (см. Дыбо СА 251, а также М.-Е. В. 392) (**kiñt̥esi*).

2. *kridlo: с.-х. *крыло* (RSJ V. 541); болг. *крилo* (РБЕ I. 657); русск. *крыло*; укр. *крилo* (Гринченко II. 306); чеш. *křídlo*; слвц. *kridlo* (SSJ I. 769), диал. *krýdlo* (Kálal 280). Соответствующий глагол с циркумфлектирующим корнем сохранился только в балтийском – ср. лит. *skrieti*, лтш. *skinet*. Акцентуационный класс корня неизвестен.

3. *sidlo: русск. *силo* (Даль IV. 185, как литературное в Зализиак ГСРЯ 520); слвц. *o-sídlo* (SSJ II. 598), чеш. *moravsk. sídlo* (DSM 377). Вторичны краткость (отражение а.л. *a?*) в слвц. диал. *sidlo* (Kálal 604), чеш. *o-sídlo* и баритонеза в русск. диал. (вят., перм.) *сíло* (Даль IV. 185). Ср. сохранившийся только в балтийском глагол с циркумфлектирующим корнем: лит. *sieti*, лтш. *siet*; судя по слав. **sět̥b* неподвижной а.л. (см. выше, с. 62), корень относился к доминантному классу.

В тех случаях, когда формы на *-dlo* имеют праславянскую окситонезу при балто-славянском акуте в корнях, последние принадлежат к классу рецессивных. Окситонеза данных образований говорит о происшедшем в корнях метатонии акут > циркумфлекс:

1. *dědlo: с.-х. *одијело* (RSJ VIII. 592), ст.-хорв. (Крижанич) *Odijelo* (т.е. *odiljlo) (Граммат. 50). Вторичны баритонированные слвн. *odélo* (Plet. I. 756), болг. *одъло* (Геров III. 340). Сербохорватская окситонированная форма (до штокавской оттяжки *o-dělo), равно как форма у Крижанича, должны быть признаны несомненно архаичными, так как их акцентуация не согласуется с акцентуацией инфинитива соответствующего глагола (ср. с.-х. *одјети*). Ср. еще диал. ст.-черног. (Цуца) *одјело* (Пешикан 85), также возникшее из окситонированной формы. Ср. слав. *dějq, *dějete (а.п. *c*); лтш. *dēt*.

2. *pēdlo: с.-х. *распéло* (RSJ XIII. 176), *пропéло* (RSJ XII. 377); русск. диал. (арханг.) *перепелó* (< *perē-päló) ‘перепонка крыла жана, нетопыря’ (Даль III. 73); укр. мн.ч. *níla* (Гринченко III. 190), предполагающее ед.ч. *níló < *nílō; слвц. *piađlo* (SSJ II. 65); малопольск. *rádlo* (Kučala 142). Вторичны баритонированные: слвн. *raz-pélo* (Plet. II. 396); русск. диал. *пáло*; укр. *пáло* (Гринченко III. 505); чеш. моравск. *páđlo* (DSM 276). Ср. слав. *pónq, *pónete (а.п. *c*); лтш. *pít*.

3. *stado: малопольск. *s:ido* (Kučala 124); слвц. *stádo* (SSJ IV. 221). Ср. слав. *stājō, *stajetē (а.п. с.); лтш. *stāt*.

4. *tvrdlo: с.-х. *трло* ‘загон для скота’ (RSJ XVIII, sv. 77. 692), ср. еще также отражающее старую окситонезу ст.-черног. (Цуца) *трло* ‘угажено место’ (Пешикан). Вторична баритонеза в болг. диал. *търло* (РБЕ III. 452). Ср. лтш. *tveit*.

5. *verdlo: чеш. *vídlo*; слвц. *vríedlo* (SSJ V. 173); с.-х. (екавск.) *врёло* при более обычном *врёло* (PCA III. 42); с.-х. *врёло* получило вторичную баритонезу по аналогии с инфинитивом *врёти* – этот глагол перешел в сербохорватском в неподвижный тип, ср. ст. - черног. (Цуца) *уэрёт*, *уэрёла* при подвижных *умријет*, *умрла*; *додам*, *додала* (Пешикан 76). Так же вторично слвн. *vrélo* (Plet. II. 795), ср. инфинитив *vréti*. Ср. слав. *върг*, *vъretē (акцентная парадигма с восстановлена не очень надежно), каузатив *várjō, *varite (а.п. с.); лтш. *vít*.

6. *žedlo: слвн. *žélo* (Plet. II. 957); польск. *żadło*, малопольск. *żaduo* (Kučala 75); русск. диал. (гдов.) *жадло* (ПОС VI. 125 sub v. ‘гадюка’), укр. *жало* (Гринченко I. 473), *жило* (там же, с. 484). Вторична баритонеза в укр. *жало* (Гринченко I. 473); русск. *жало*; болг. *жило* (РБЕ I. 347; Геров II. 21) с неясным *-u-*; словин. *žggle* (Lorentz SW 1444). Ср. лтш. *dzelit*. Слав. *žedlo происходит из *geldlo – с дальнейшей диссимиляцией *l > n* (ср. Vasmer I. 490–410).

7. *žerdlō: с.-х. *ждрёло* (PCA V. 323), *ждријело* (RSJ XXIII, sv. 96. 267); болг. *ждрело*, *жрело* (РБЕ I. 340, 348) с окситонезой диалектного происхождения; русск. диал. (гдов.) *жэрало* (ПОС 3.10 sub v. ‘владать’), (брянск.) *жырало* (вокализм однозначно указывает на акцентуацию *жырало) (СБГ 2.18 sub v. ‘буторочек’), др.-русск. *жере-ло* (Зализняк 150); укр. *джерело* (Гринченко I. 375), (*đ*)*жерело* (Желевский); белор. гродн. *жарало* ‘лаз у яму склепа’ (МСГВ 160); чеш. *židlō*; слвц. *žriedlo* (SSJ V. 828; Kálal 905); польск. *źródło*. Вторичны: укр. *джерело*, *джерело* (Гринченко I. 375); слвн. *žrélo* (Plet. II. 973). Ср. слав. *žerq/*žvrg, *žeretē/*žvretē (а.п. с.); лтш. *dzeit*; ср. также греч. γέρο- II класса.

8. *žvrdlo: с.-х. *ждрло* (PCA V. 325; RSJ XXIII, sv. 96. 276); укр. *джерло* (Гринченко I. 375); русск. *жерло*. Образовано от того же корня, что и *žerdlo.

9. Рефлекс архаической окситонезы в слвн. *prélo* (Plet. II. 249) ‘der Durchgang’ позволяет реконструировать слав. *perdlo. Вторична баритонеза в с.-х. диал. *prēlo* (RSJ XI. 583; Skok III. 33). Ср. слав. **p̄rq*/**p̄r̄q*, *peretē (а.п. с.); лтш. *speit*.

10. *vidlo: старое окситонированное образование сохранилось, видимо, только в русских диалектах, ср. пословицу «Слово спустишь, так и вилом не встанешь» (Даль I. 204), а также наречие *в'илом* в говоре д. Деулино Рязанской области (ССНГ 85). Связь с глаголом *вить*

отчетливо проявляется в выражении *вилом вить(ся)* ‘быстро делать что-л.’: *в'илом в'йёт*, *в'илом в'йоцъ*, *в'илом в'йуцъ* (там же). К слав. *vidla (ж.р., относительно баритонированного варианта *viðla см. ниже) восходит русск. диал. (псков.) *віла* ‘юла, человек, который перебрасывается с одного дела на другое’ (ПОС IV. 14) и мн. ч. *вілы* (твор. п. *вілам(и)* и т.д.) ‘вили’ (ПОС. IV. 17). Баритонеза отражена в с.-х. диал. *віло* (Вук 64) в загадке *Спријед шило, страга віло, оздол хартија, озгор мантија* (отгадка ‘ласточка’, под ‘вилом’ имеется в виду ее раздвоенный хвост). Укр. мн. *віла* (Гринченко I. 166) могло быть образовано от ед. *вілоб. Баритонезу имеет русск. диал. (волог. и т.д.) *віло* ‘кочан капусты’.

Праславянскую баритонезу (а.п. *a*) имело образование ж.р. *viðla (дв.ч. *vidlē, мн.ч. *vidly): с.-х. диал. *віла* (PCA II. 619), мн.ч. *віле* (PCA II. 626; RSJ XX, sv. 86. 890); болг. *віла* (РБЕ I. 118); чеш. мн.ч. ж.р. *viðle*; слвц. мн.ч. *vidly* (SSJ V. 93); русск. *вілы* (в том числе и в псковских говорах наряду с *вілы* – ПОС IV. 17) – все примеры со значением ‘вили (орудие)’. Баритонеза *viðla, а также *viðlo: с.-х. *віло* ‘вили’ (возможно, сюда же *віло* ‘дугачко перо у птице’ – PCA II. 626) и русск. диал. *віло* ‘кочан’ – в принципе может быть объяснена как результат продуктивного вытеснения окситонированных форм на *-dlo* (а в сербохорватском также и вытеснением окситонез на *-dlo* с узкими корневыми *гласными*).

Однако есть и другое объяснение баритонезы слав. **viðlo/a*. Стого говоря, в славянских языках мы имеем образования от двух квазиомонимичных корней глаголов: *viti ‘вить, плести’ – ср. лтш. *vít*, лит. *výti* (*vėja*) ‘вить, сучить, свивать’, и *viti ‘бросать, навивать (сено на стог)’ – ср. лит. *výti* (*vėja*) ‘гнать, выгонять’, лтш. диал. (Дунника, Салдус, Айзпутес) *vít* ‘bewältigen’ (M.-E. XLIV. 645). Корень глагола со значением ‘вить, плести’ был, видимо, исконно рецессивным (о чем говорит регулярное соответствие слав. а.п. с. *vijq, *vijetē; *vīnq, *vinetē и прерывистой интонации в лтш. *vít*, ср. еще подвихное лит. *vyti's* от корня II класса). Напротив, внешние данные дают основание предполагать у корня глагола со значением ‘бросать, гнать’ исконный I (доминантный) класс, ср. греч. *ἱFeie-* в медиальном инфекте *ἵεισαι* ‘стремиться, спешить’ при отсутствии «метатезы» в аористе *ἵεισατο*, дeвербативах *οίμα (в *οίμησα*, *οίμος*, образованиях с суффиксами II класса). Однако в балто-славянском по крайней мере в словоизменительной парадигме этот корень стал трактоваться как относящийся ко II классу по аналогии с ‘вить’, ср. еще *po-vinq, **po-*

vinelē (а.л. с.) ‘поднять, покорять’. Если предположить, что первоначально корень ‘бросать, гнать (и т.п.)’ принадлежал в балто-славянском к I (доминантному) классу, слав. *vidla (-у, -е) ‘вилы (орудие)’ (отсюда ‘рогулька’, ср. с.-х. *віло*) а.л. а и без метатонии следует рассматривать как архаизм. Русские же *вилá, *вилó ‘вилы’ образованы уже от морфонологически «нового» корня *vi-* II (рецессивного) класса. Напротив, русск. ряд. *вилó, псков. *вилá* (слав. *vidlo, *vidla а.л. б с метатонией в корне), образованные от исконно рецессивного *vi-* ‘вить, плести’, архаичны и одновременно уникальны, так как в других славянских языках образований на *-dlo/-dla* от *vi-* ‘вить’, по-видимому, нет.

11. *bydlo: русск. диал. (кемер.?) *было* ‘название песен, сказок и былин’ (СРНГ 3.346). Видимо, вторичны отражающие баритонированную форму *býdlo: чеш. *bydlo*; слвц. *bydlo* (SSJ 148; Kálal 49). Ср. слав. *býlo, *bylá (а.л. с.); лтш. *bût*.

12. *židlo: Надежный материал для этой реконструкции дают русские диалекты: ворон., арханг., перм. *жило*. Вторичны смол., новг., яросл. *жýло* (СРНГ 9.175). Видимо, сюда же относится каргоп. *жилó* ‘перебродившее кислое пиво, браго, тесто и т.д.’ (СРНГ ibid.). Неинформативно слвн. *žílo* (Plet. II. 962). Ср. слав. *žívq, *živete (а.л. с.); лтш. *dzít*; ср. также греч. γείφο ‘жить’ II класса.

Видимо, вторична баритонеза в слабо засвидетельствованном *pídlo (? **pidlo): с.-х. диал. *nílo* (RSJ IX. 851; Пешикан 266) – ср. слав. *píjo *píjete (а.л. с.).

Настоящими исключениями являются:

1. *gôrdlo: с.-х. *grlo* (PCA III.644; RSJ III. 445); болг. *gôrlo* (РБЕ 1.215); русск. *gorlo*; укр. *gorlo* (Гринченко I. 313); слвц. *hrdlo* (SSJ I. 522; Kálal 183). Как и лит. *gérklos* (1-я а.л.), образовано от рецессивного корня: слав. *žérq, *žereté (а.л. с.), лтш. *dzeñt*. От этого же корня образованы регулярные охутона слав. *žerdlo, *žôrdlo (см. выше). Лит. *gérklos* фонетически ближе к слав. *žerdlo, тогда как акцентуационно и семантически к слав. *gôrdlo.

2. *ôrdlo: с.-х. *râlo* (RSJ XIII.27); болг. *râlo* (РБЕ III.86; Геров V. 71); русск. *râlo*; укр. *râlo* (Гринченко IV.5); чеш. *râdlo*; слвц. *radlo* (SSJ III. 685); малопольск. *radzo* (Kucała 106). Так же как и лит. *árklas* (1-я а.л.), образовано от рецессивного корня: слав. **ôr(j)iq*, **or(j)ete* (а.л. с.), лтш. *ařt*.

В этих двух образованиях корни **gôrera-* и **ara-* ведут себя как принадлежащие к доминантному классу.

Очевидно, что метатония акут > циркумфлекс, по крайней мере в образованиях на *-tlo-* от рецессивных корней, – балто-славянское явление, о чем говорит идентичное устройство балтийской и славянской метатонии. Метатония, подобная (восточно)балтийской, происходила, по всей видимости, и в славянских отлагольных существительных на *-to-/ -tā-*. От корней с балто-славянским акутом образованы *bítq, *pêto, *játo, *pluto, *kolti, *kôlta и *molti (см. материал на с.52-56). Из этих форм от рецессивных корней образованы *pôto (ср. слав. *pôq, *pônete, лтш. *pít*) и *pluto (ср. слав. *plôvq, *plovevte). Образование *pôto не имеет метатонии (в корневой части – «старый акут») и, подобно *ôrdlo и *gôrdlo, морфонологически нерегулярно: в нем обычно рецессивный корень **pêta-* ведет себя как доминантный (регулярно ожидалось бы **pôta-* – даже если не предполагать корневую метатонию). Образование *pluto имеет рефлекс метатонии, соответствующий лит. форме *plañtas* (ср. *pláuti*). Образованные от доминантных корней *molti (помимо приведенного на с.54 материала следует, видимо, добавить еще с.-х. посавск. *mlát*, *mlátom* в грамматике И.Брилича, с.327, 312 – цит. по: Ivšić 98) и *kolti (ср. еще чеш. моравск. *klat-* DSM 144) нерегулярны в том, что в них наблюдается рефлекс метатонии акут > циркумфлекс. Последняя проявляется в сдвиге иктуса с корневого слога на суффиксальный (в случае сохранения акута мы имеем ли бы *môlti, *kôlti, ср. регулярные *kôlta, *játo, *bítq). Судя по распределению метатонии в образованиях на *-dlo*, первоначально славянская система была идентична балтийской: метатония в рецессивных, отсутствие метатонии в доминантных корнях, а *molti и *kolti – вторичные формы, существовавшие с исчезнувшими впоследствии многими регулярными образованиями на *-to-* с метатонией от рецессивных корней.

Еще раз приведем результаты анализа балто-славянских образований на *-to-* (*-tā-*) и *-dlo-* (*-tlā-*). Эти суффиксы, принадлежащие к доминантному классу, вызывали метатонию акут > циркумфлекс в рецессивных корнях, непосредственно к которым они присоединялись. Так как во всех наших примерах отрезок корня, в котором находился долгий гласный либо дифтонг, на которых происходила метатония, непосредственно примыкает к суффиксу, наше правило верно лишь для такой позиции. Есть основания думать, что это и была единственная позиция, в которой присоединение доминантной морфемы вызывало изменение интонации рецессивной морфемы.

Выше были рассмотрены лишь немногие доминантные балто-славянские прикорневые суффиксы, в образованиях с которыми в рецессивных корнях (и только в них) происходит метатония акут > циркумфлекс. Дальнейшее исследование несомненно выявит целый ряд таких суффиксов. Например, к этой группе, видимо, принадлежит суффикс *-uo-*:ср. лит. *stōvas* (ср. *stōti*, лтш. *stāt*, слав. **stājō*, **stajetē*), *nařvas* 4 (видимо < 2) (ср. *nérti*, лтш. *neřt*, однако лит. *nařtas*, *ra-neřklas* с метатонией, что говорит о вероятной принадлежности данного корня к рецессивному классу в "пралитовском"). Ср. метатонию в подвижных образованиях и с адъективным суффиксом *-uo-* (неподвижная а.л. 2 утрачена в прилагательных большинством литовских диалектов, она заменена на а.л. 4): лит. *leñgas* (ср. лтш. *liēgs*); *pañvas* (ср. *pálšas*); *šiřvas* (ср. *šírmas*); *mūłvas* (ср. *mùlti*); *žařvas/želvas* (ср. *žélti*, лтш. *zeřt*).

В балто-славянском на рецессивных морфемах, как следует из правила Дыбо²², иктус изначально ставится не мог. Отмечались два случая, когда балто-славянский иктус вторично оказывался на рецессивной морфеме: 1) в результате оттяжки иктуса на предшествующий доминантный морфеме слог рецессивной морфемы с неапофонической долготой (правило Хирта, уточненное Илич-Свитычем); 2) в результате перевода рецессивной морфемы в доминантный класс в том случае, если следующая за рецессивной морфемой доминантная морфема была предположительно неслоговой. В.А.Дыбо приводил пример **pelz-j-e-t̪o-* > **pelz-j-e-t̪o-* (Дыбо СА 262), однако в данном случае бросается в глаза искусственность разбиения презентной морфемы *-je-* на *-j-* и тему *-e-*, так как презентный атематический **-j-* в индоевропейских языках неизвестен.

Формы типа **gŷbno/*gŷbjø* при каузативе **gŷbjø*, каузатив **bâjø* при **bŷlø*, **stâñø* при **stâjø*, **vôta* при **vôtø* имеют перемаркировку корня, связанную, скорее всего, с балто-славянским удлинением корневого гласного, т.е. в конечном счете с метатонией циркумфлекс > акут. Возможно, к этому же типу случаев относятся отмеченные выше нерегулярные **arastlo-*, **gwatlo-* и **ponato-*, где, помимо отсутствия ожидаемой метатонии акут > циркумфлекс, представлена перемаркировка корня (из рецессивного в доминантный). Анализ этого явления, видимо, не связанного на балто-славянском уровне с морфемными цепочками, выходит за рамки данного исследования.

Балто-славянские образования на *-tlθ-* и *-tθ-* (*-sto-*) от рецессивных корней, рассмотренных выше, имеют следующие особенности:

а) для них характерно накоренное ударение и неподвижная (баритонированная) акцентная парадигма; б) в них происходит метатония акут > циркумфлекс (лит. *stōtas*, *dēklas* а.л. 2; лтш. *dēsts*, *tikls*; слав. **stadlo*, **pluto* а.л. b).

Остановимся на первой их особенности. Так как иктус ставится в этих образованиях на корне, мы должны, исходя из правила Дыбо, предположить, что в них происходила мена морфонологической маркировки корневых морфем: морфемный «—» заменился на «+», иными словами, рецессивные корневые морфемы становились в сочетании с суффиксами *-tθ-* (*-sto-*), *-tlθ-* (вторично) доминантными и, как следствие этого, ортотоническими.

Порождение литовских образований типа *dēklas* представляется следующим образом (знаком $\pm$ обозначим вторично доминантную морфему): *dē-tlo-* > *dē-tlo-* > лит. *dēkla-s* (а.л. 2). Порождение слав. **dēdlo* является как бы следующим шагом от балтийского состояния: *dē-tlo-* > *dē-tlo* (> лит. *dēkla-s* 2) > *dēdlo-* (со славянским сдвигом ударения на один слог вправо²³) > слав. **dēdlo* (а.л. b).

Не прибегая к расчленению данных суффиксов на *-tθ-*, *-tlθ-* и т.п., предположим, что свойством «наведения» плюса (доминантности) на предшествующую рецессивную морфему²⁴ обладают все доминантные морфемы.

Однако имеются многочисленные балто-славянские доминантные морфемы, которые не меняют маркировку предшествующих рецессивных морфем и не вызывают в них метатонию акут > циркумфлекс. Из прикорневых суффиксов к ним принадлежит, например, лит. *-inja-*, *-injē-* (прилагательных): *beržinis*, *beržinė* (где *bérž-* является рецессивной морфемой,ср. *béržas* а.л. 3); ср. образования с этими же суффиксами от доминантного корня: *vištinis*, *vištinė* (Дыбо БСА 79-80).

Если бы суффиксы *-inja-*, *-injē-* были первично доминантными, какими являются, например, *-to-/tā-* (существительных) и *-do-*, ожидался бы переход рецессивного корня *bérž-* во вторично доминантный, вследствие чего на нем ставилось бы ударение и в нем происходила бы метатония акут > циркумфлекс. Можно предположить, что первый компонент суффиксов *-inja-*, *-injē-* вторично доминантен, как вторично доминантны корни в *dēklas*, **stadlo*, и что вторично доминантные морфемы обладают лишь одним свойством, присущим доминантным морфемам: быть ортотоническими (нести на себе иктус).

Суффиксы *-inja-*, *-injē-* являются составными. Соответствующий простой суффикс *-in-* рецессивен. Суффикс *-in-* является компонен-

том составного рецессивного же суффикса **ino-/-inā-* прилагательных:ср. лит. *pláukinas* (от *pláukas* а.п. 3), *krūvinas* (от *kraūjas* а.п. 4),ср. соответствующий рецессивный славянский суффикс: **dželžnъ*,**dželžnā*, **dželžno* (а.п. с) от **dželgъ* (также а.п. с). Остается признать, что первично доминантны вторые компоненты указанных выше суффиксов *-ja-*, *-je-*. Составными являются и практически все балто-славянские доминантные суффиксы, ведущие себя как рассмотренные выше *-inja-*, *-inje-*, ср., например, славянские суффиксы существительных *-vko-*, *vje-*, *-vce-*, *-vstvo-*, *-vca-*, *-vna-*, *-itje-*, *-vja-*, *-iko-*, *-ako-*, *-arje-*, суффиксы прилагательных *-vje-/vja-*, *-ato-/ata-*, *-ino-/ina* (Дыбо СА 146–188).

Доминантный («плюсовый») характер суффикса *-ja-/je-* прилагательных подтверждается также литовским соотношением рецессивного суффикса *-iška-/iškā-*²⁵ (ср. также рецессивный слав. *-vško-/vška-*) и доминантного суффикса *-iškja-/iškjē-*. Йотовый суффикс (во всяком случае, большинство суффиксов с аялаутным йотом) является первично доминантным и в славянском: ср. доминантный адъективный суффикс *-vje-/vja-* (< *-i-jθ-*: *bāb-vjō, *koz-čjō, *bož-čjō), суффиксы существительных *-vje-* (< *-i-jθ-*: *klin-vje, *trast-vje) и *-vja-* (< *-i-jā-*: *brāt-vja, *druž-vja) (Дыбо СА 100).

Имелось два омонимичных балто-славянских суффикса с элементом *-k-*. Один из них, рецессивный *-ko-/kā-*, образовывал прилагательные: **bliz'kō*, **bliz'kā*; **kort'kō*, **kort'kā* – а.п. b; **glād'kō* **glād'kā* – а.п. a; **sold'kō*, **sold'kā*; **brīd'kō*, **brīd'kā* – а.п. c (Дыбо СА 94–103). Напротив, суффикс *-ko-* существительных был доминантным, превращая в доминантные и сложные морфемы, вторым компонентом которых он являлся, например *-iko-* (слав. *vcb*, *-vce*): **xle'b'cō* (а.п. a, от **xle'b'*, а.п. a), **bob'b'cō* (а.п. b, от **bob'*, а.п. b), **gor-d'cō* < **gord'cō* (а.п. b, от **gord'* а.п. c); **sít'cō* (а.п. a, от **sít'*, а.п. a); **dón'cō* < **dón'b'cō* (а.п. b, от **dón'*, а.п. b); **derv'cō* (а.п. b от **derv'*, а.п. c) (Дыбо СА 145–147). Анализ непроизводных основ на *-i-*, формообразующий компонент которых входит в состав сложного суффикса *-iko-*, показывает, что *-i-* само по себе принадлежит к рецессивному классу (ср. неподвижные **ost'b*, **ogn'b*, **dv'g'rō* < **ost'b*, **ogn'b*, **dv'g'rō* до действия правила Дыбо–Иллич–Свитыча; **nit'b*, **ry'sb* и подвижные **zv'e'g'b*, **ggs'b*). Так же дело обстоит и со сложным субстантивным суффиксом *-uko-* (например, слав. **dom'kō*, а.п. b, от **dōm'*, **dom'k'*, а.п. c), который содержит в себе рецессивный формообразующий элемент *u*-основ (ср. противопоставление неподвижных **võr'kō*, **bob'rō* подвижным **sýn'b*, **dóm'b*). Рецессивность основообра-

зующих морфем *-i-* и *-u-* восходит к балто-славянскому уровню (Дыбо СА 20–26). Исходя из рецессивности этих морфем, мы должны предположить первичную доминантность морфемы *-ko-* (форманта существительных).

Если суффикс *-ko-* первично доминантен, то, как и другие первично доминантные суффиксы, он должен вызывать в предшествующем ему слоге рецессивной морфемы метатонию акут > циркумфлекс. И действительно, сложный суффикс *-ākθ-* прилагательных, относящийся к балто-славянскому рецессивному классу (на что указывают славянские подвижные местоименные основы, образованные с помощью этого суффикса: **tākъ*, **tāko*, **takā*; **jākъ*, **jāko*, **jakā* – в противоположность неподвижным **onākъ*, **onāka*, **onāko*; **inākъ*, **ināka*, **ināko* (Дыбо СА 175), всегда имеют в балтийском акут: лит. *plonókas*, *storókas*, *ilgókas* и т.д. (в литовском литературном языке вторично обобщено на суффиксальное ударение этого суффикса в сочетании с основами прилагательных обоих классов). Напротив, суффикс *-āko-* существительных, являясь доминантным (а.п. b^c всех славянских образований с ним – формы а.п. a от акутированных доминантных основ вторично исчезли, а формы а.п. b^b также, видимо, исчезнув в системе имени, оставили рефлекс в отыменных *i*-глаголах в отдельных славянских языках, например, русск. *durák*, *durakā*: *duráčitъся*, где глагол образован от «фиктивной» основы а.п. b^b *dūrāk, *dūrāka; см. еще Дыбо СА 259), имеет в балтийском форму с рефлексом метатонии акут > циркумфлекс, причем ударение находится на рефлексе *-ā-*: *ratšiōkas*, *arkliōkas*, *naujōkas* и т.л. Балто-славянская метатония в этом субстантивном суффиксе проявляется также в том, что славянские образования с ним имеют а.п. b. Сам компонент *-ā-* относится к рецессивному классу – противопоставление *ā*-основ подвижной и неподвижной акцентной парадигмы хорошо известно (*võda, *võdq: *zénā, *zepq).

Метатония акут > циркумфлекс отражена также в славянском суффиксе *-īko-* м.р. (*čištikъ а.п. a от **čistō*; *bělikъ а.п. b^b от **bělō* а.п. b, и **čestikъ* а.п. b^c от **čestō* а.п. c) (Дыбо СА 174–175). При балто-славянском циркумфлексе в *-īko-* (< *-i-ko-*) мы имеем акут в соответствующем суффиксе ж.р. *-īca* (*stárica от **stárgъ*, **čv̄rnica* от **čv̄gn'b* и **moldīca* от **moldō* (Дыбо СА 172–173). Видимо, изначально суффикс *-īca* был рецессивным (< *-i-kā*)²⁶, и вторичная его доминантность была вызвана действием правила Хирта. Метатония наблюдается и в балтийских суффиксах с первым (рецессивным) компонентом *-i-*.

В качестве примера можно привести соотношение акутированного *-ybā* и циркумфлектируемого *-ybje-*. Суффикс *-ybā* был рецессивным (ср. предположительно рецессивный славянский суффикс **ybā-*). В современном литовском большинство форм с этим суффиксом имеет насуффиксальное ударение (*darýba*, *édybos* и т.д.), и лишь в диалектах сохранились отдельные реликты старых *barytona* от доминантных и рецессивных производящих основ с акутом: *lýgyba* (SkŽD 191 при лтш. *lidziba*) и *gýuuba* (Jušk. I (2). 439) при лтш. *dziviba*. Напротив, суффикс *-ybje-* с циркумфлектируемым *-y-* определенно является доминантным (Дыбо СП 86–87). Единственным объяснением метатонии в *-ybje-* (при акутированном *-ybā*) является предположение о том, что рецессивный компонент *-y-* стал вторично доминантным после присоединения первично доминантного суффикса *-bjē-*.

Так как *-bā-* и *-bjē-* отличаются лишь «темой» (*-ā-* в противоположность *-jē-*), различие между ними проще всего описывать в терминах различной маркировки вариантов «темы» (*-ā-* рецессивная морфема, *-jē-* первично доминантная). Таким же образом мы можем представить суффиксы *-ko-*/*-kā-* прилагательных (как *-k-o-*, *-k-ā-*) и *-ko-* существительных (как *-k-o-*). В последнем случае членение суффикса исторически оправдано – индоевропейский атематический диминутивный суффикс *k хорошо известен. Также и доминантный суффикс *-tō-*/*-tā-* существительных отличается от рецессивного *-tō-*/*-tā-* прилагательных/причастий лишь маркировкой вокалической части (*-o-*/*-ā-* у существительных, *-o-*/*-ā-* у прилагательных). Соответствующий атематический суффикс был рецессивным, ср. греч. *-t-* II кл. в *-βλής* (*gen.* *-βλῆτ-ος*) от корня *γύελε-* II кл., *-δμήτ-* (*-δμῆτ-ος*) от *δαμα-* II кл.

Доминантные суффиксы *-tō-*/*-tā-*, *-tō-*/*-trā-* также имеют атематические рецессивные пары (слав. суфф. **tel-i-* – ср. следы его рецессивности в древнерусском, Зализняк 152; греко-арийский *-ter-*/*-tor-* II кл., см. Николаев ГМ₂). Однако из этого не следует, что членение необходимо для всех первично доминантных суффиксов: например, отмеченный выше презентный *-ie-*, скорее всего, изначально нечленим. Некоторые другие суффиксы (возможно, и *-bā-*) могли подвергнуться вторичному переразложению уже в балто-славянском. Следует признать, что в рассмотренных выше суффиксах (независимо от того простыми или составными они были) «минусовый» согласный был в сущности акцентуационно нейтральным, откуда следует важный вывод, что доминантность и рецессивность есть признак в первую очередь вокалического компонента морфем. Весьма редкие неслого-

вые доминантные морфемы – например, номинативное *-s*: лит. *sūnūs* < *sūn-ū-s < **sū-nū-s*²⁷, -- видимо, представляют собой находящиеся в нулевой ступени чередования слогообразующие морфемы.

Различия и свойства первичных и вторичных доминантных морфем, а также соотношение их с рецессивными морфемами показаны в табл. 3.

Таблица 3

	Свойство морфемы	Первично доминантная морфема	Вторично доминантная морфема	Рецессивная морфема
1	Меняет маркировку предшествующей рецессивной морфемы ($\rightarrow \pm$)	+	–	–
2	Вызывает в предшествующей рецессивной морфеме метатонию акут $>$ циркумфлекс	+	–	–
3	Является ортотонической (ей «принадлежит» иктус)	+	+	–

Как мы видели из приведенного выше материала, балто-славянская морфонологическая система различает три вида морфем – рецессивные, доминантные, а также вторично доминантные, в которые автоматически превращаются рецессивные морфемы, находясь перед первично доминантными. В цепочках «корень + прикорневой суффикс», первично доминантные суффиксальные морфемы сохраняли определенную продуктивность только в сочетании с глагольными корнями. В именном словообразовании существовала тенденция к замене старых морфонологически простых (односложных) доминантных суффиксов составными, которые оставляли в неприосновенности морфонологические характеристики корня. Преимущественное использование составных суффиксов предотвращало частые «разломы» в акцентных парадигмах корневых морфем: ведь рецессивные корни в сочетании с первично доминантными суффиксами сами превращались в акцентуационно доминантные, что приводило к нестабильности маркировки корневых морфем. Стремление к сохранению первичной маркировки корней было одной из причин преимущественного употребления, наряду с чисто рецессивными, доминантных морфем с прикорневым вторично доминантным компонентом.

Непроизводные глагольные (а также, видимо, и непроизводные именные) корни, начиная с индоевропейского времени однозначно распределяются по двум акцентуационно-морфонологическим классам (бывают либо доминантными – I класса, либо рецессивными – II класса). Предварительное ознакомление с первично доминантными суффиксами показывает более пеструю картину, хотя все известные колебания в их маркировке наблюдаются лишь в тех случаях, когда первично доминантный суффикс является компонентом составной морфемы; прикорневые суффиксы распределяются по классам также однозначно.

Маркировка слоговых суффиксов явно принадлежала их вокалическому компоненту, как было показано выше. Различаются доминантный и рецессивный тематические гласные ($-\text{o}_-$ и *o_- , сложнее вопрос о существовании доминантного $-\bar{a}_-$). Различие доминантной и рецессивной «темы» приводит к акцентуационному противопоставлению субстантивных ($-\text{*to}_-$, $-\text{*ko}_-$) и адъективных ($-\text{*ta}_-$, $-\text{*ka}_-$). Некоторые «йотовые» суффиксы доминантны, но есть и рецессивные суффиксы такого рода: лит. прикорневое *-jē* (см. выше, с. 75 – 76), слав. *-jā-* в **zemja*, **zēmjq* и т. д. Это указывает на то, что, видимо, и в данном случае маркировка принадлежала гласному.

Ранее при анализе балто-славянской акцентуационно-морфонологической системы мы вполне могли удовлетвориться разбиением всех морфем на ортотонические (они же доминантные, «плюсовые») и безударные (они же рецессивные, «минусовые»). Эти их свойства могли в определенном виде отражать сколь угодно древнее состояние, и не обязательно было видеть за «плюсами» и «минусами» фонетическую реальность. Метатония в рецессивных морфемах, находящихся перед доминантными, заставляет нас взглянуть на эту проблему иначе.

Как известно, балто-славянская акутовая интонация имеет вторичное и вполне определенное происхождение (идет ли речь о «бецценбергеровском» или «соссюровском» акуте). То, что интонация «минусового» слога с акутом меняется в случае правостороннего примыкания к этому слогу слога морфемы с «плюсовой» маркировкой, заставляет нас предположить, что за абстрактными «минусами» и «плюсами» кроются какие-то пока не известные нам фонетические (точнее, супрасегментные, просодические) реалии, причем реалии эти были в значительной мере фонетическими еще в балто-славянский период, сосуществуя с акутовой и циркумфлексовой интонацией (или иными

просодическими характеристиками, рефлексами которых эти интонации являются). Видимо, мы вплотную приблизились к доказательству того, что балто-славянская акцентная система является отображением индоевропейского противопоставления двух фонологических тонов (регистров), как это уже давно предполагал В. А. Дыбо²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как в греко-арийском, так и в балто-славянском корни и суффиксы²⁹ распределяются по двум акцентуационно-морфонологическим классам. В греко-арийском различие между двумя классами корней и суффиксов обнаруживается: а) в реализации исходного вида корней-*set* в сочетании с прикорневыми суффиксами; б) в акцентуации имен, зависящей от морфонологического состава словоформы (ударение в глагольной парадигме в подавляющем большинстве случаев морфологизовано).

В балто-славянском различие между двумя классами корней и суффиксов акцентуационное, при первом приближении описываемое как противопоставление ортотонических (морфонологически ударных) и морфонологически безударных морфем.

Греко-арийские морфемы, относящиеся к I классу, восходят к тем же индоевропейским праформам, что и балто-славянские доминантные морфемы, а греко-арийские морфемы II класса генетически тождественны балто-славянским рецессивным морфемам. Очевидно, что различие между этими двумя классами морфем имеет индоевропейское происхождение и как-то связано с просодическими характеристиками морфем.

Если мы обратимся к правилам постановки иктуса в словоформе, то обнаружим, что балто-славянские и греко-арийские правила не совпадают. В балто-славянском иктус ставится на первой доминантной морфеме (пренебрежем пока тем фактом, что многие балто-славянские морфемы являются вторично доминантными), в греко-арийском же место ударения определяется совсем иными, известными, но пока еще не до конца поддающимися интерпретации правилами. В любом случае мы не можем проецировать в индоевропейский ни балто-славянские, ни греко-арийские правила постановки иктуса.

Анализ акцентуации древнеиндийских (ведийских) форм с суффиксом *-tra-*, относящимся в греко-арийском к I (доминантному) классу, показывает, что *oxytona* от корней *-anit* образовывались от корней I класса, тогда как *barytona* – от корней *-anit* II класса: *astrám/astrás, dēstrám, satrám*, но *gātram, tántram, pātram* и под. Обращает на себя внимание факт, что распределение *barytona* и *oxytona* на *-tra-* в зависимости от класса корня идентично установленной С.А.Старостиным закономерности акцентовки древнеиндийских так называемых *nominā activa* на **-o-* (также *oxytona* от глагольных корней I кл., *barytona* – от корней II кл.) (Николаев-Старостин 283–290). Имена на *-tra-* имеют в древнеиндийском не только акцентовку, совпадающую с *nominā activa*, чо и типичную для последних семантику: переходное, обычно эзактивное действие, а также «средство для исполнения этого действия» и «место/время для исполнения действия». Исходя из наличия всеобщего бинарного распределения греко-арийских морфем, можно считать, что омонимичный др.-инд. суффикс **-o-*, с помощью которого образуются древнеиндийские *nominā passiva* (их акцентуация – *barytona* от корней I кл., *oxytona* от корней II кл.), относится ко II (рецессивному) классу. В древнегреческом имена на *-τρῳ-, -τλῳ-, -θρῳ- и -θλῳ-* в отличие от древнеиндийского всегда баритонированы (*δέρτρον, εὔστρᾶ, ζῶστρον, ἀρθρὸν* и под.), также всегда баритонированы *nominā activa* от корней обоих классов. Напротив, *nominā passiva* имеют баритонезу, когда образованы от корней I класса и окситонезу – от корней II класса. Такую же акцентовку имеют образования с суффиксом II класса – *ιρῳ-/ιῳρ* (если учесть вторичное распространение окситонированных образований на *-ιρῳ-*; безударный суффикс *-ῳρ* присоединяется исключительно к корням I кл.). Таким образом, в греческом баритонированной является любая форма, где содержится морфеме I класса, в древнеиндийском же баритонированными являются формы, состоящие из морфем различных классов (табл. 4)

Таблица 4

Класс	Сочетание морфем		Древнеиндийский	Греческий
	корень	суффикс		
I	I	I	<i>oxytona</i>	<i>barytona</i>
	I	I	<i>barytona</i>	<i>barytona</i>
II	I	I	<i>barytona</i>	<i>barytona</i>
	II	II	<i>oxytona</i>	<i>oxytona</i>

Подробный анализ акцентуации акцентуации греко-арийских девербативов автор намеревается дать в другой статье.

Естественно напрашивается предположение о том, что индоевропейские словоформы характеризовались различными просодическими «контурами», которые как в балто-славянском, так и в греко-арийском отражаются в разноместном ударении, но ударение это ставилось в разном месте рефлексов тех же индоевропейских словоформ в греко-арийском и балто-славянском³⁰.

Расстановкой иктуса нельзя объяснить и греко-арийские модификации корней *-seɪ̯* в различных сочетаниях с прикорневыми суффиксами. При суффиксах I класса (доминантных) с шумным аулаутом аулаут корня остается неизменным независимо от класса последнего, тогда как при суффиксах II класса (рецессивных) в корнях I класса «ослабляется» аулаутный, а в корнях II класса – ан-/инлаутный гласный. Более того, в корнях II класса в их сочетаниях с суффиксами II класса аулаутный гласный удлиняется. Характерны греческие отношения (подробнее см. в Николаев 1983; 1986):

	Суффиксы I кл.	Суффиксы II кл.
Корни I кл.	ίκέ-της	ίκ-τωρ
Корни II кл.	έχε-της	σχῆ-μα

Если редукцию того или иного гласного при суффиксах II класса можно было бы попытаться объяснить как возникшую в результате разноместного ударения, то полная степень обоих гласных корня при суффиксах I класса остается загадкой. Столь же загадочен генезис удлинения конечных гласных корней II класса. Это вновь подводит нас к выводу о том, что греко-арийские словоформы с различной морфонологической структурой были противопоставлены вовсе не старым местом ударения, а какими-то иными признаками, одновременно отразившимися в правилах расстановки иктуса и в особом влиянии на корневой вокализм.

В балто-славянском все морфемы, и корневые, и суффиксальные, противопоставлены по одному признаку. В греко-арийском мы не можем пока найти морфонологических признаков, общих корням и суффиксам одноименных классов, однако у нас нет и оснований полагать, что балто-славянская ситуация вторична. Индоевропейские морфемы, как корневые, так и суффиксальные, были, видимо, противопоставлены по одному просодическому признаку. Наиболее вероятным является предположение о том, что индоевропейские морфемы I и II класса различались тональными характеристиками: возможно, морфемам I класса был присущ высокий тон, а морфемам II класса – низкий тон, как из типологических соображений предполагает В.А.Дыбо. В таком случае «вторично доминантные» балто-славянские морфемы должны были первоначально иметь особый тон – видимо, восходящий, что и определило их промежуточный морфонологический характер между доминантными и рецессивными (ср. табл. 3). Тональные контуры, возникавшие в словоформах в результате сочетаний морфем

с различными и одинаковыми тонами, отражались в виде греко-арийского разноместного ударения. Тональные контуры словоформ вызывали в конечном счете и различные модификации корней-*set* (выяснение механизма этого воздействия – предмет будущих исследований).

В балто-славянском рецессивные (предположительно, первоначально низкотональные) морфемы ведут себя как морфонологически безударные, а доминантные (предположительно, первоначально высокотональные или имевшие восходящий тон) – как морфонологически ударные. Однако есть основания думать, что и в балто-славянском тональные оппозиции еще окончательно не морфонологизовались, и основным различительным признаком трех классов (двух первичных и одного вторичного) морфем был тон.

Когда мы говорим о метатонии акут > циркумфлекс, мы не должны забывать о том, что под акутом мы понимаем балто-славянскую интонацию, единообразно отражающуюся в ударных слогах в литовском (во всяком случае, в большинстве литовских диалектов), тогда как в латышском в доминантных морфемах мы, как правило, имеем в позиции литовского акута плавную, а в рецессивных морфемах – прерывистую интонацию. При этом появление этих интонаций явно не связано с местом прабалтийского иктуса, так как в латышской словоформе возможно сосуществование в различных слогах различных интонаций. Предположение о том, что латышская прерывистая интонация возникала в акутированных слогах исключительно в результате перетяжки на них иктуса с конечноударных слогов в формах подвижной акцентной парадигмы, наталкивается на необходимость объяснить большинство случаев появления этой интонации в позициях, на которые иктус заведомо не мог оттягиваться, как результат действия аналогических процессов. Более приемлемым кажется возвращение к гипотезе, в крайне осторожной форме высказанной П.Шмидтом, о возможности прямого отражения в латышских интонациях явлений, противопоставленных еще в индоевропейском³¹. Ситуация, близкая к латышской, обнаруживается и в некоторых северо-западных литовских диалектах (Кретинга и т.д.). В славянском в словоформах, целиком состоящих из рецессивных морфем (энклиноменах), рефлекс балто-славянского акута тоже отличается от его рефлекса в доминантных морфемах (в первом случае мы имеем «славянский циркумфлекс», во втором – «старый акут»). Латышскую прерывистую и плавную интонации на месте балто-славянского акута проще всего объяснить как непосредственные рефлексы старых тонов (условно «рецессивного» и «доминантного»), деформированных наложением другого просодического фактора, возникшего на рефлексах индоевропейских долгих дифтонгов и

монофтонгов и таутосиллабических последовательностей *VR² (позиции «соссюровского» и «бецценбергеровского» акута). В отличие от латышского (и славянского), различие между старыми тонами исчезло в большинстве диалектов литовского языка, и литовский акут является отражением самого указанного вторичного просодического фактора в ударном слоге.

Интонационную картину балто-славянских сочетаний морфем разных классов можно представить следующим образом (в качестве первого компонента взяты морфемы с балто-славянским акутом):

	Вторая морфема доминантна	Вторая морфема рекессивна
Первая морфема доминантна	C ^ˊ V C + C V C + +	C ^ˊ V C + C V C + +
Первая морфема рекессивна	C [~] V C + C V C ± +	C [^] V C + C V C - +

Примечание. Знаком / обозначен «доминантный акут», знаком ^ – «рекессивный акут», знаком ~ – балто-славянский циркумфлекс (возникший в результате метатонии).

Из таблицы видно, что доминативные морфемы, являясь первыми компонентами сочетаний, имеют неизменную интонацию, тогда как рецессивные морфемы имеют различную интонацию в зависимости от маркировки (тона) второго компонента сочетания. Естественно предположить, что прямым отражением старого «рекессивного» тона является «рекессивный акут» (в рецессивных морфемах перед рецессивными), а изменение "рекессивного акута" в циркумфлекс перед доминантной морфемой вызвано влиянием тона доминантной морфемы (C [~]V C + C V C < C ^ˊV C + C V C).

К сожалению, от окончательных выводов относительно природы реконструируемых тонов нас удерживает неясность в вопросе о фонетической природе балто-славянского акута и циркумфлекса (на этот счет существуют прямо противоположные точки зрения). Так как показанные выше изменения в первой морфеме происходят как перед акутированными, так и циркумфлектированными/краткостными морфемами, естественен вывод о том, что балто-славянские тональные различия существовали и между «неакутированными» морфемами (например, тонами различались -*₊t_o- существительных и -*_ot_o- прилагательных), хотя реально последнее противопоставление мы можем реконструировать только при анализе морфонологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В тексте статьи не дается материал, подтверждающий реконструкцию акцентных парадигм славянских глаголов в тех случаях, когда эти формы взяты из следующих работ В.А.Дыбо: Славянская акцентология, с. 197–260; Праславянское распределение акцентных типов в презенсе тематических глаголов с корнями на нешумные (материалы к реконструкции). – БСИ 1981. М., 1982, с. 205–261; БСИ 1982. М., 1983, с. 3–67; БСИ 1984. М., 1986, с. 112–134.

2 О балтийской (в действительности балто-славянской) метатонии (*dēk-las, sōstas* и т.д.) см. ниже, с. 77–82.

3 В диалекте Ю.Шлапялиса заметна тенденция к переводу подобных образований от корней с акутированными дифтонгическими сочетаниями в корне в подвижный акцентный тип (а.л. 3). При устойчивой неподвижности форм от корней другого фонетического вида это явление должно быть признано инновацией.

4 В индоевропейском эти корни не были омонимичными: *sē- ‘сеять’ (лат. *serō, sātūm*, лит. *séti*), но *sēi- ‘просеивать’ – в отличие от предыдущего с надежными рефлексами долгого дифтонга:ср. слав. *sīto, лит. *siē-tas*, финское диал. *siekla* ‘сито’ из балт. *sēklā –ср. лит. *sékla* (<*sēk-lā) ‘семя’. Корень *sēi- ‘просеивать’ отражен также в греч. ηθιούσ· ‘сито, решето’, ηθέω/ηθέω ‘цедить, процеживать’, аористном причастии ητός (Hipp. ap. Gal. 19.103) – элемент долгого индоевропейского дифтонга здесь нормально утрачен (см. еще Николаев ГМ₂ 177); ‘основа-2’ *siē-* (~-ā-) находится в греч. σθώ, δια-ττάω ‘просеивать’ (см. также Frisk L 624). Нулевая ступень корневого дифтонга отражена в лит. *sijoti* (славянским соответствием этой форме было бы *sъjāti,ср. зējɔ: *zv̥jāti, *rējɔ: *rv̥jāti и т.д.). Слав. презенс *sējō ‘сеять’ происходит, таким образом, из *sē-i-e-, тогда как *sējɔ ‘просеивать’ – из *sēi-(i)e-.

5 В этом случае морфонологическое соответствие между греческим и балто-славянским нерегулярно: суффикс -*dhe-, относящийся в греческом к I классу (см. Николаев ГМ₁ 73), является рецессивным в балто-славянском:ср. также лтш. *veđu* при *vīrt*, *viru*,ср. слав. *vōþr, *vōrete подвижной а.л. Эта нерегулярность легко объясняется тем, что в греко-арийском тематический инфектный (презентный) суффикс -e/o-, по крайней мере тот, который образовывал древнениндийский презенс I класса, принадлежал к I морфонологическому классу (в отличие от аористного -e/o-). Тот же суффикс -*dh- входит в состав греческого форманта пассивного аориста -θη-, принадлежащего ко II классу. Его второй компонент -η- генетически тождествен балтийскому претеритному -ē-, несомненно, являющемуся рецессивной морфемой. Действительная нерегулярность в соответствиях заключена в противоречии между I классом тематического презентного -e/o- в греко-арийском и II классом (рецессивностью) этого суффикса в балто-славянском. Ввиду того что в греко-арийском морфонологически противопоставлены аористный и презентный -e/o-, а в балто-славянском оба они относятся ко II классу, можно предположить, что переход презентного -e/o- в рецессивный класс – балто-славянская инновация.

6 В говорах этого диалектного ареала старая неподвижность (вернее, рефлексы особой «смешанной» парадигмы) отмечается также и у некоторых других слов с o-основой, исконно принадлежавших к мужскому роду. Например, в говоре о-ва Сусак противопоставлены *rūōt – rōda*; *būōx – bōγa* («нормальная» а.л. с) и, с другой стороны, *plūōt – plotā*; *rūōx – rōγā* («смешанная» а.л.), причем есть и слова «нормальной» а.л. *b*, которые в других славянских языках также имеют окситонезу: *rōp – rōrā*, *rōt – rōdā* и т.п. (материал см. в HDZb I. 104, 106), ср. Иллич-Свитыч 119.

7 См. об этих и аналогичных верхнелужицких архаизмах в Дыбо ВЛ 78–79. Псковские, наряду с некоторыми белорусскими и западноукраинскими (галицкими) говорами, отражают старую «смешанную» акцентную парадигму обычно в виде окситонированной акцентной парадигмы.

8 В центральных и южных псковских говорах и части белорусских, видимо, сохраняется старая смешанная парадигма, ср. еще псков. *bōrōv* (в разных фонетических вариантах: ПОС 2. 116; 3. 153), но род. п. *ad bāravā* ПОС 4. 108, *bāravā* 6. 42, дат. п. *bāravū* 6. 152, *bāravū* 5. 134.

9 Не совсем ясна ситуация в жемайтском говоре, из которого известны предположительно вторичные *bārytona*, обнаруживаемые в словаре А.В.Юшкевича. В последнем случае затруднительно понять истинную акцентную систему записанного диалекта из-за двукратного исправления места и характера ударения в словоформах издателями словаря, см. Ф.Ф.Фортунатов Предисловие к словарю А.В.Юшкевича (Jušk. I(1). I–XXVII).

10 См. Николаев–Старостин 310. В цитируемой работе ошибочно предполагается полное отсутствие латышских глагольных корней на шумный с плавной интонацией. Верным будет утверждение, что таких корней крайне мало, что тоже говорит о вторичности латышской ситуации.

11 Символом За обозначается аналог акцентной парадигмы 3 в трехсложных словах (чредование начальноакутированных форм с конечно-ударными). Обозначение Зб относится к соответствующим словам с циркумфлексом на первом слоге.

12 В чеш. *kámen* нерегулярное сохранение старой долготы в первоначально трехсложном слове. Она, возможно, проникла в эту форму из архаического имен. п. ед. ч. *kāmy (ср. *plamen*, *břemeno* и т.д.). Однако не исключено и диалектное происхождение этой долготы. В западночешском возможно сохранение староакутовых долгот в многосложных словах, ср. верхнелужицкую ситуацию – см. Дыбо ВЛ 74; в среднечешском, на основе которого возник литературный язык, староакутовые долготы сохраняются крайне непоследовательно даже в одно-/двухсложных словах, что отражает переходный характер среднечешских говоров: в восточночешском гласные под старым акутом как правило краткие.

13 Приводимая М.Фасмером чешская форма *znamě* (Vasmer I. 458) не обнаружена нами ни в одном из доступных нам словарей и, скорее всего, фиктивна.

14 Данные из Чудовского Нового Завета здесь и далее приводятся по работе: *Дыбо В.А.* Закон Васильева—Долобко в древнерусском (На материале Чудовского Нового Завета). — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, 1975, vol. XVIII.

15 Диалекты украинского языка показывают большой разнобой в постановке ударения у слов на *-мъя* и *-менъ*. Мы имеем, например, *вымъя* и *вимъя*, *рамъя* и *рамъя* (*рамено*), *стремъя* и *стремъя*, *веремъя* и *вёреме*, *креминъ* и *креминъ* (ср. Матвеева—Исаева). Вопрос о развитии акцентуации слов с основами на *-н-* в истории украинского языка требует специального изучения. Полезным шагом в этом направлении является работа Скларенко.

16 Не исключено, что в праславянском существовал вариант данного глагола неподвижной а.п., о чем говорит словенский литературный супин *brāt*, употребляющийся наряду с *brāt*, а также слвн. диал. (рязанское) *brāt*, употребляющееся в отличие от входящего в подвижную а. п. супина в особом значении (см. *Дыбо В.А.* О некоторых акцентологических изогlossenах словенско-кайкавской языковой области. — *HDZb* 6, с. 101–134, в особенности с. 123).

17 Глагол *палъ́у*, *полъ́еш*, *паломъ* записан автором также у уроженки Зубцовского р-на Калининской обл. Е.И. Углинской. Она употребляла его только в значении ‘опаливать курицу’.

17^a См. *Stang Chr. Sur l'accentuation des verbes causatifs et itératifs en Slave.* — *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*, 1952, Bd. XVI, с. 267–270.

18 В древнеиндийском (как, кстати, и в большинстве литовских ‘тиалектов’) морфонологическое различие между двумя типами корней в парадигматических формах в основном стерлось (в древнеиндийском сохранились, как правило, только морфологические различия). Решающими при сравнении являются греческие и славянские данные.

19 Впервые проблема литовской метатонии была поставлена Ф. де Соссюром в статье «К вопросу о литовской интонации», см.: *Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию*. М., 1977, с. 603. Большой материал по метатонии в литовском и латышском собран в работе *Būga K. Die Metatonie im Litauischen und Lettischen.* — *Būga K. Rinktiniai raštai*. Т. II. Vilnius, 1959, с. 386–483.

20 См. также: *Дыбо В.А.* Работы Ф. де Соссюра по балтийской акцентологии. — *Соссюр Ф. де. Труды по языкоznанию*. М., 1977, с. 584.

21 В этом случае показание латышской формы не очень надежно ввиду широкого вторичного распространения прерывистой интонации в глаголах с корнями на шумный.

22 Имеется в виду правило, согласно которому иктус в балтославянском «ставился в начале первой последовательности морфем высшей валентности (т.е. доминантных — *С.Н.*)» (Дыбо СА 261).

23 Правило Дыбо—Иллич-Свитыча: балто-славянский иктус в славянском сдвигается вправо на один слог со слога, содержащего краткий/циркумфлектируемый гласный или циркумфлектируемый дифтонг.

24 Точнее, последний слог рецессивной морфемы, но в данном случае эта оговорка избыточна, поскольку все непроизводные глагольные корни и первичные суффиксы односложны.

25 Связь первого компонента диминутивного суффикса с основой производящего имени достаточно хорошо сохранилась еще в древнерусском (единственно важное изменение — замена тематического *-о-* на *-в-*, ср. греч. *-ικό-* от *ο-*основ): см. Чурганова.

26 Ср. балто-славянский суффикс **-otā-*, который, возможно, был рецессивным (по крайней мере в славянском: см. Дыбо СА 122–125; ср. еще Зализняк 150: др.-русск. *-о-та* с минусовой маркировкой) в противоположность строго доминантному **-oto-* как в балтийском, так и в славянском.

27 Лит. *deīvas* (а.л. 4) и подобные ему номинативы *ο-основ* с рецессивным корнем, возможно, вторичны и являются нефонетической субSTITУцией исчезнувших форм типа **deivās*.

28 См., например: *Dybo V.A., Nikolayev S.L., Starostin S.A. A Tonological Hypothesis on Origin of Paradigmatic Accent Systems.* — EPPh, с. 16–20.

29 В работах Николаев—Старостин; Николаев ГМ₁; ГМ₂ речь шла только о глагольных греко-арийских корнях, но есть все основания считать, что поведение именных корней не отличалось от поведения глагольных. Например, греческий корень *δορυ-* ‘дерево’, относящийся ко II кл., имеет регулярную «метатезу» в образовании с суффиксом II кл.: *δρῦ-μός*, ср. слав. **dērvo* (а.л. с, рецессивный корень).

30 Успех сравнения акцентуации непроизводных имен, проведенного Иллич—Свитычем, определялся в первую очередь тем, что сравнивались двухморфемные (не считая флексию) имена с рецессивными формообразующими суффиксами (*-ο-*, *-ι-*, *-υ-*, *-τερ-* и т.п.). Такие образования с доминантными корнями нормально имеют греко-арийскую баритонезу и неподвижную а.п. в балто-славянском, а образования с рецессивными корнями — греко-арийскую окситонезу и балто-славянскую подвижную а.п.

31 *Шмидт П.* Троякая долгота в латышском языке. — ИОРЯС. 1899, т. 67, № 2.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Белич — *Белич А.* Заметки по чакавским говорам. — ИОРЯС. 1909, т. XIV, кн. 2.

Вук — *Караџић В.С.* Српски рјечник истумачен нјемачкијем и латинскијем ријечима. Биоград, 1898.

Геров – Геров Н. Рѣчникъ на българскій языку. Т. I–V. Пловдив, 1895–1904.

Геров–Панчев – Панчев Т. Дополнение на българския рѣчникъ отъ Н. Гѣровъ. Пловдив, 1908.

Гринченко – Гринченко Б.Д. Словарь украинскаго языка. Т. I–IV. Киев, 1907–1909.

Граммат. – Граматично искѣзанje об рускомъ језику, попа Јурка Крижанича, презваниемъ Сербланица, меджу Купоји и Вѣноји риками, во ѿездех Бѣхца града, окол Дубовицѣ, Озлыи и Рибника Острогов. Писано въ Сибири Литѣ $\neq$ зрод. (издано Бодянскимъ). М., 1859.

Даль – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1880–1882.

Дыбо КИ – Дыбо В.А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индо-европейской акцентологии. – ВСЯ, 1961, вып. 5.

Дыбо ВЛ – Дыбо В.А. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке. – Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 54–83.

Дыбо БСА – Дыбо В.А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. – СВЯ, 1980.

Дыбо СП – Дыбо В.А. К вопросу о системе порождения акцентных типов производных имен в прабалтийском. – БСИ, 1980.

Дыбо СА – Дыбо В.А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Желеховский – Желеховский Е., Недільский С. Малоруско-німецкий словарь. Львов, 1886.

Зализняк ГСРЯ – Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1980.

Иллич-Свитыч – Иллич-Свитыч В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентационных парадигм. М., 1963.

Карский – Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. I. М., 1955.

Матвеева-Исаева – Матвеева-Исаева Л.В. Закон Фортунатова–де Соссюра. – ИОРЯС. Т. 3. Кн. 1. М., 1930.

МСГВ – Сылжкович Т.Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

Николаев ГМ₁ – Николаев С.Л. К исторической морфонологии древнегреческого глагола. Ч. 1–2. – БСИ, 1982.

Николаев ГМ₂ – Николаев С.Л. К исторической морфонологии древнегреческого глагола. Ч. 3–4. – БСИ, 1984.

Николаев–Старостин – Николаев С.Л., Старостин С.А. Парадигматические классы индоевропейского глагола. – БСИ, 1981.

Носович – Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

ОГКО – Кириллова Т.В., Бондарчук Н.С., Куликова В.П., Белова А.А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

Пешикан – Пешикан М.Б. Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. Београд, 1965.

РОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–6. Л., 1967–1984.

РБЕ – Речник на съвременния български книжовен език. Т. 1–3. София, 1954–1959.

РСА – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. I–XII. Београд, 1959–1984.

СБГ – Словарь брянских говоров. Вып. 2. Л., 1980.

Скляренко – Скляренко В.Г. Історія акцентуації п-основ української мови. – Мовознавство, 1978, 2 (68).

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Под ред. А.И.Федорова. Новосибирск, 1979.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П.Филина. Вып. 1–20. Л., 1965–85.

ССНГ – Словарь современного русского народного говора. Под ред. И.А.Осиповецкого. М., 1969.

Страхов–Страхова – Страхов А.Б., Страхова О.Б. Об одной греко-славянской культурно-языковой параллели. – Балканы в контексте Средиземноморья. Поблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.

Чурганова – Чурганова В.Г.. К истории словообразования диминутивов в русском языке. – Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР С.Г.Бархударова. М., 1974.

Шахматов Очерк – Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. СПб., 1915.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. Вып. 1–12. М., 1974–1985.

Būga – Būga K. Die Metatonie im Litauischen und Lettischen. – Būga K. Rinktiniai raštai. Т. II. Vilnius, 1959.

DLKŽ – Dabartinės Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.

DSM – Bartoš Fr. Dialektický slovník Moravský. Praha, 1905.

Fraenkel – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd.I–II. Heidelberg/Göttingen, 1956–1965.

Frisk – Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1954.

HDZb – Hrvatski dijalektološki zbornik. Zagreb.

Hraste-Šimunović – Hraste M., Šimunović P. Čakavisch-Deutsches Lexikon. Т. I. Köln-Wien, 1979.

Ivšić – *Ivšić St.* Akcenat u gramatici Igñata Alojzije Brlića. Zagreb, 1912.

Jušk. – *Юшкевич А.В.* Литовский словарь. Вып. I–II. СПб., 1904–1922.

Kálal – *Kálal M.* Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.

KLD – *Kurschat F.* Litauisch-deutsches Wörterbuch. Halle, 1883.

Kucała – *Kucała M.* Porownawczy słownik trzech wsi malopolskich. Wrocław, 1957.

Lorentz SW – *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. SPb, 1908–1912.

LRKŽ – *Lyberis A.* Lietuvių-rusų kalbos žodynas. Vilnius, 1962.

M.-E. – *Mühlenbach K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. I–IV. Riga, 1923–1925.

M.-E. (S) – *Endzelin J.* Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutsches Wörterbuch. Bd. I–IV. Riga, 1934–38.

Otr. Gram. – *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. T. I–III. Warszawa, 1956–1965.

Otr. Twer. – *Otrębski J.* Wschodniolitewskie narzecze Twereckie. Cz. I. Gramatyka. Kraków, 1934.

Plet. – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. T. I–II. Ljubljana, 1894–1895.

Rad – Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.

Rešetar – *Rešetar M.* Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. Wien, 1900.

RHJ – *Iveković F.*, *Broz I.* Rječnik hrvatskoga jezika. Sv. I–II. Zagreb, 1901.

RSJ – Rječnik hrvatskog ili srpskoga jezika. T. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.

Skok - *Skok P.* Etimologijiski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–III. Zagreb, 1971–1973.

SkŽD – *Skardžius Pr.* Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.

Sychta – *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. I–VI. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1967–1973.

Šlap. – *Šlapelis J.* Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1940.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. D. I–VI. Bratislava, 1959–1968.

Stang VG – *Stang Chr. S.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen.

Oslo-Bergen-Tromsö, 1966.

Vasmer – *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1953–1958.

СОКРАШЕНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

арханг.	– архангельский	малопольск.	– малопольский
балт.	– прабалтийский	местн. п.	– местный падеж
белор.	– белорусский	минск.	– минский
болг.	– болгарский	моравск.	– моравский
брянск.	– брянский	и.-луж.	– нижнелужицкий
вилейск.	– вилейский	новг.	– новгородский
вин. п.	– винительный падеж	perm.	– пермский
в.-луж.	– верхнелужицкий	польск.	– посавский
волог.	– вологодский	псков.	– псковский
ворон.	– воронежский	род. п.	– родительный падеж
вост.	– восточный	ряз.	– рязанский
вятск.	– вятский	слав.	– праславянский
гдов.	– гдовский	слвн.	– словенский
гродн.	– гродненский	слвц.	– словацкий
дат. п.	– дательный падеж	словин.	– словинецкий
диал.	– диалектный	смол.	– смоленский
др.-инд.	– древнеиндийский	ср.-болг.	– среднеболгарский
др.-русск.	– древнерусский	ср. р.	– средний род
жем.	– жемайтский	ст.-слав.	– старославянский
зап.	– западный	ст.-хорв.	– старохорватский
зап.-слав.	– працападнославян- ский	ст.-черног.	– старочерногорский
и.-е.	– праиндоевропей- ский	ст.-чеш.	– старочешский
им.п.	– именительный па- деж	с.-х.	– сербохорватский
инфин.	– инфинитив	твор. п.	– творительный падеж
каргроп.	– каргопольский	укр.	– украинский
кашуб.	– кашубский	фин.	– финский
кемер.	– кемеровский	экавск.	– экавский
кл.	– класс	яросл.	– ярославский
лат.	– латинский	aor.	– aoristum
лит.	– литовский	caus.	– causativus
латш.	– латышский	cz.	– część
		ptc.	– participium
		sup.	– supinum
		sv.	– svezak